

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЮССИ АДЛЕР-ОЛЬСЕН

РОМАН

Расследует
отдел «Q»

ОХОТНИКИ НА ФАЗАНОВ

Во второй книге Адлер-Ольсен, ведущий датский писатель, работающий в жанре детектива, превзошел собственный первый великолепный роман.

Publishers Weekly

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Юсси Адлер-Ольсен

Охотники на фазанов

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

Адлер-Ольсен Ю.

Охотники на фазанов / Ю. Адлер-Ольсен — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-19602-5

Особый отдел «Q» копенгагенской полиции создан для расследования громких, но оставшихся нераскрытыми криминальных преступлений. Карл Мёрк, шеф отдела, получает досье, касающееся жестокого убийство брата и сестры, совершенного много лет назад. Полицейские, которые вели расследование, предполагали, что убийцу нужно искать среди юных воспитанников школы-интерната, отпрысков богатых семей. Спустя десять лет один из подозреваемых дал признательные показания и был осужден. Казалось бы, дело закрыто. Так почему же папка с его материалами оказалась на столе Карла Мёрка? Кто ее туда положил? Кому не дает покоя давняя трагедия? Вместе со своим помощником Карл возобновляет расследование, и бывшие подозреваемые выходят из тени. Их четверо: психически нездоровая, живущая на улицах Копенгагена Кимми и трое ее бывших школьных друзей, теперь ставших очень влиятельными людьми. Кимми ведет свою игру: она многое знает и готова мстить. Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

УДК 821.113.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-389-19602-5

© Адлер-Ольсен Ю., 2008

© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Пролог	7
1	8
2	10
3	11
4	15
5	17
6	20
7	24
8	30
9	36
10	41
11	51
12	53
13	61
14	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юсси Адлер-Ольсен

Охотники на фазанов

Jussi Adler-Olsen

Fasandræberne

© Jussi Adler-Olsen, 2008

© И. П. Стреблова, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается трем грациям и железным леди Анне, Лене и Шарлотте

Горячо благодарю Ханну Адлер-Ольсен за оказанную ею каждодневную поддержку и понимание. Благодарю также Элисабету Веренс, Фредди Мильтона, Эдди Кирана, Ханну Петерсен, Мишу Шмальстига и Хеннинга Куре за драгоценные и глубокие комментарии, а также Йенса Веринга за консультацию по логистике и Анну К. Андерсен – у нее поистине орлиное око и редакторская хватка. Я признателен также Гите и Петеру К. Раннес и Датскому писательскому и переводческому центру «Хальд» за оказанное гостеприимство в период, когда это было так необходимо, и Поулю Г. Экснеру, за его обычную бескомпромиссность. Благодарю Карло Андерсена, чьи разносторонние познания, в частности об охоте, были для меня очень полезны, и комиссара полиции Лейфа Кристенсена за то, что так щедро делился своим опытом и за внесенные им профессиональные уточнения.

Благодарю вас, моих замечательных читателей, заходивших на мой сайт www.jussiadlerolsen.com и пожелавших мне новых творческих начинаний.

Пролог

Над вершинами деревьев прогремел новый выстрел.

Крики загонщиков звучали все громче и ближе. Тяжелые удары пульса болезненно отдавались в барабанных перепонках, а сырой воздух разрывал легкие при каждом торопливом вдохе.

«Бежать, бежать, не падать! Если упаду, мне уже не встать. Черт! Черт! Ну что же это такое, никак не освободить руки! Ох! Бежать, бежать! Тсс! Только бы они меня не услышали! Неужто услышали? Неужели моя жизнь на этом кончится?»

Ветки то и дело хлестали по лицу, оставляя кровоточащие царапины. Кровь смешивалась с потом.

Вот уже крики слышались со всех сторон. И только тут появился страх смерти.

Грохнуло еще несколько выстрелов. Рассекающие прохладный воздух пули просвистели так близко, что тело покрылось испариной и одежда мгновенно прилипла к нему.

Еще минута или две, и они будут здесь. Почему руки за спиной никак не слушаются? Неужели липкая лента может быть такой крепкой?

Хлопая крыльями, над деревьями взлетели испугнутые птицы. За стеной еле отчетливой проступили движущиеся тени. Теперь до них оставалось каких-нибудь сто метров. Все стало отчетливей – голоса, кровожадный азарт охотников.

Как они это сделают? Один выстрел, одна стрела – и конец? Так просто?

Нет, нет! Этого им не хватит. Для таких негодяев это было бы слишком милосердно. У них наготове ружья и ножи. Они уже показали, как эффективно действуют их арбалеты!

«Где же мне спрятаться? Где найти местечко? Успею ли я вернуться назад? Или нет?»

Взгляд обшаривал почву, метался по сторонам. Но лента, наклеенная на глаза, мешала толком что-то разглядеть, и ноги, спотыкаясь, снова пустились бегом.

«Теперь я на себе почувствую, каково это – оказаться в их власти. Для меня они не делают исключения, ведь только так они и получают свое. Все будет по полной программе».

И тут сердце заколотилось так сильно, что в груди стало больно.

1

Решившись выйти на Стрёгет¹, она ступала, как по лезвию ножа. Наполовину закрыв лицо грязно-зеленым шарфом, она крадучись шла мимо витрин, внимательно оглядывая улицу. Задача заключалась в том, чтобы распознать кого нужно, оставаясь при этом неузнанной. Этого требовали ее демоны, и она вновь и вновь скользила по улицам, одинокая среди прохожих с мертвыми глазами, сновавших мимо нее туда и сюда.

Кимми подняла взгляд на фонари, холодным светом заливавшие Вестерброгаде. Принюхалась, раздувая ноздри. Скоро наступят морозные ночи. Пора привести в порядок зимнее убежище.

У пешеходного перехода к Центральному вокзалу столпилась кучка вышедших из Тиволи изыбших посетителей. Взгляд Кимми упал на женщину рядом, в твидовом пальто. Прищурившись, женщина оглядела ее, поморщилась и посторонилась, будто хотела отойти подальше.

«Спокойно, Кимми!» – подсказывало подсознание, но на нее уже нахлынула нарастающая ярость.

Она окинула женщину взглядом сверху вниз, осмотрела матово блестящие колготки, потом туфли на высоких каблуках. И постаралась спрятать улыбку – эти каблочки не выдержат одного резкого пинка. Женщина грохнется и сама узнает, что от соприкосновения с мокрым тротуаром любой наряд приобретает весьма непрезентабельный вид. И больше не будет так морщиться!

Кимми подняла взгляд и посмотрела женщине прямо в глаза. Подведенные веки, напудренный носик, укладка волосок к волоску. Взгляд невидящий и неприступный. Да уж, таких дамочек из высших слоев, пустых внутри, как пузырь, Кимми насмотрелась в свое время достаточно. Она и сама когда-то была одной из них, как и ее подруги, и мачеха.

Они были ей отвратительны.

«Ну сделай же что-нибудь! – нашептывали голоса у нее в голове. – Неужели ты это стерпишь? Покажи ей! Давай же, действуй!»

С другой стороны улицы на Кимми поглядывала кучка темнокожих подростков. Если бы не они, она толкнула бы эту женщину под сорок седьмой автобус, который как раз ехал мимо. Она отчетливо видела кровавое месиво под колесами, ощущала ужас толпы и собственное сладкое чувство справедливого возмездия.

Но Кимми удержалась: в толпе всегда найдутся внимательные глаза. А еще ей мешало что-то в душе – страшные отголоски далеких дней.

Поднеся рукав к носу, она понюхала ткань. В чем-то эта фифа права: от рукава страшно воняло.

Как только зажегся зеленый свет, Кимми ступила на мостовую, волоча за собой чемодан; колесики перекосило, так что он переваливался на ходу. Больше она не будет с ним таскаться, эту рухлядь давно пора выкинуть и заменить на новый.

В здании вокзала, рядом с киоском, стоял газетный стенд – словно назло всем спешащим пассажирам и незрячим. По пути через город Кимми уже несколько раз попадались эти страницы, вывешенные на всеобщее обозрение; завлекательные заголовки вызывали у нее тошноту. Когда такие стенды попадались на пути, она отворачивалась и только бурчала себе под нос: «Скоты!» Но, невольно повернув голову, мельком увидела первую страницу и содрогнулась от одного вида этого человека.

¹ Пешеходная зона в центре Копенгагена, представляющая собой ряд переходящих одна в другую улиц. (Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных.)

Под фотографией было написано: «Дитлев Прам скупает частные клиники в Польше; общая сумма сделки составляет двенадцать миллиардов». Кимми сплюнула на пол и немного постояла, стараясь успокоиться. Она ненавидит Дитлева Прама. И Дитлева, и Торстена, и Ульрика. Ничего! Однажды она им покажет! Когда-нибудь она их сделает! Обязательно.

Она усмехнулась, и встречный прохожий улыбнулся ей в ответ. Вот еще один дурачок, воображающий, будто ему известно, о чем думают другие!

И тут она вдруг остановилась.

В нескольких шагах впереди стояла на своем обычном месте Тина Крысятница: немного подавшись вперед и покачиваясь на нетвердых ногах, с грязными руками и набрякшими веками, вытянув перед собой раскрытую ладонь, в идиотской уверенности, что хоть кто-нибудь из толпы сунет ей десятку. Только наркоманы и способны стоять так часами. Придурки несчастные!

Кимми хотела прощмыгнуть у нее за спиной к выходу на Ревентловгаде, но Тина заметила ее.

– Привет! Какого черта, Кимми! Привет! – прогнусавила она, на миг вынырнув из тумана, который окутывал ее сознание.

Но Кимми не ответила. Тина Крысятница соображала, только сидя на любимой скамейке с банкой пива в одной руке и сигаретой в другой, сейчас от нее все равно не будет толку.

А ведь она являлась единственным существом, с которым у Кимми сложились человеческие отношения.

На улицах гулял пронизывающий ветер, и народ спешил поскорее добраться до дома. Кимми выглянула наружу: на стоянке такси перед выходом на Истедгаде напротив вокзала выстроились пять «мерседесов» с работающими моторами. Значит, когда понадобится, хотя бы одна машина там будет.

Перейдя через дорогу, где в подвальчике располагалась тайская лавка, Кимми поставила чемодан возле окна. Она не раз оставляла здесь чемодан, и только однажды его стащили. Сегодня этого не случится: в такую погоду даже воры прячутся по домам. А впрочем, какая разница! В чемодане не было ничего, из-за чего стоило бы волноваться.

Она не провела на вокзальной площади и десяти минут, как добыча сама приплыла в руки. Из такси вышла стройная красотка в норковой шубке примерно сорок четвертого размера и с чемоданом на хороших резиновых колесиках. Несколько лет назад Кимми охотилась исключительно на женщин сорок шестого размера, но от жизни бездомной бродяжки особо не разжиреешь.

Женщина остановилась перед билетным автоматом в зале. Пока она разбиралась, что к чему, Кимми сперла чемодан и направилась к заднему выходу. Не успела хозяйка барахла и глазом моргнуть, как Кимми уже очутилась на Ревентловгаде у стоянки такси.

Дело мастера боится!

На стоянке она уложила добычу в багажник ближайшего такси и велела шоферу покатавать ее по улицам. Таксист взглянул на нее с подозрением и брезгливо сморщил нос, но Кимми вынула из кармана пальто толстую пачку стокроновых купюр.

– Делай, как сказано, и получишь парочку сотен на чай.

Через час она вернется за старым чемоданом уже в новых шмотках и пахнущая духами незнакомой женщины.

Небось тогда таксисту уже незачем будет морщиться!

2

Дитлев Прам был красивым мужчиной и прекрасно об этом знал. В бизнес-классе самолета всегда находились женщины, которые, послушав, какой у него «ламборджини» и как быстро он домчит их до своей резиденции в Рунгстеде, не отказывались от такого предложения.

На этот раз он выбрал даму с пушистыми волосами и в очках в тяжелой черной оправе, которая придавала ей неприступный вид. Это его раззадорило, но завести с ней разговор не удалось. Он протянул ей журнал «Экономист» с фотографией атомной электростанции на обложке, но она отстранила подношение. Он заказал ей напиток, но она не стала пить. И когда самолет согласно расписанию приземлился в Каструпе, Дитлев понял, что напрасно потерял драгоценные девяносто минут полета.

Такие неудачи его бесили.

Он направился напрямик по застекленному переходу в третий терминал и, приближаясь к эскалатору, увидел подходящую жертву: человека с неуверенной походкой, который двигался в том же направлении.

Дитлев прибавил ходу и подошел к эскалатору в тот самый миг, когда старик поставил на него ногу. Достаточно сделать подножку, и тощий урод со всего маху упадет и врежется мордой в плексигласовое окно. Дитлев ясно увидел эту картину; его так и подмывало воплотить ее в жизнь, такой уж он был человек. Он, можно сказать, вырос на этом, как и остальные члены его группы. Для него в этом не было ничего противного или постыдного. Во всем виновата та баба из самолета: могла бы не строить недотрогу, и тогда через час они с ней уже лежали бы в спальне у него дома.

В зеркале заднего вида возник ресторан «Страндмёллекроен», перед глазами ослепительно засверкала знакомая морская гладь. Как раз в это время раздался сигнал мобильного. Дитлев посмотрел на дисплей: звонил Ульрик.

– Кое-кто видел ее несколько дней назад, – начал тот, когда Дитлев отозвался. – На переходе через Бернсторфсгаде перед Центральным вокзалом.

– Ясно. – Дитлев выключил проигрыватель. – Когда именно?

– В понедельник. Десятого сентября. Около девяти вечера.

– И что ты предпринял в связи с этим?

– Мы с Торстеном сходили туда, но ее не нашли.

– Торстен тоже там был?

– Был. Но ты же знаешь, от него никакого толку.

– Кому поручили это задание?

– Ольбеку.

– Хорошо. Как она выглядела?

– Одета вполне прилично, как мне сказали. Похудела. Но от нее воняло.

– Воняло, говоришь?

– Да. Потом и мочой.

Дитлев кивнул. Хуже всего в Кимми было даже не то, что она иногда вдруг исчезала на месяцы и даже годы. Главное, с ней вообще не знаешь, чего ждать: то пропадает, то вдруг возникает, как привидение. Она представляла главную опасность в их жизни, единственную настоящую угрозу.

– На этот раз мы ее поймем. Ульрик, ты с нами?

– А зачем еще, думаешь, я тебе позвонил?

3

Только войдя в неосвященный подвал полицейского управления, где располагался отдел «Q», Карл Мёрк по-настоящему осознал, что лето прошло и отпуск закончился. Включив свет и кинув взгляд на свой письменный стол, загроможденный стопками папок с делами, он почувствовал острый приступ панического желания захлопнуть дверь и бежать отсюда куда глаза глядят. Не помог даже поставленный Асадом посреди стола букет гладиолусов такого размера, что хватило бы перегородить какой-нибудь проспект не из самых широких.

– С возвращением на работу, босс! – послышалось за спиной.

Карл обернулся и встретился взглядом с искрящимися бодростью блестящими карими глазами помощника. Поредевшие темные волосы жизнерадостно топорщились во все стороны, облик выражал полнейшую, прости господи, готовность в очередной раз положить жизнь на алтарь полицейского управления!

– Карл, ну надо же! – произнес Асад, встретив тусклый взгляд шефа. – Даже не верится, что ты только вышел из отпуска!

Карл покачал головой:

– А мне, думаешь, верится?

Наверху, на третьем этаже, только что опять все переменялось. Чертова реформа полиции! Пожалуй, скоро придется разыскивать кабинет начальника отдела по расследованию убийств с GPS-навигатором. Карла не было какие-то три недели, и вот уже по крайней мере пять новых лиц устали на него как на чудо морское! Сами-то они кто такие, черт возьми?

– Карл, для тебя есть отличная новость, – заявил начальник отдела по расследованию убийств, пока тот озирает светло-зеленые стены нового кабинета руководителя.

По общему впечатлению – нечто среднее между операционной и помещением для секретных совещаний антикризисной группы из триллера Лена Дейтона². С фотографий на тебя смотрят погасшие глаза неопознанных трупов, рядом пестрая мешанина из карт, диаграмм, списков личного состава. Эффект такой, что просто жить не хочется.

– Отличная новость, говоришь? Это не обещает ничего хорошего, – отозвался Карл, тяжело опускаясь на стул напротив шефа.

– Скоро у тебя будут гости из Норвегии.

Карл бросил на Маркуса хмурый взгляд исподлобья.

– Мне сказали, что прибудет делегация из полицейского управления Осло в составе пяти человек, чтобы ознакомиться с отделом «Q». В следующую пятницу в десять. Помнишь? – Тут Маркус Якобсен с улыбкой подмигнул Карлу. – Между прочим, они с нетерпением ждут этой встречи.

Карл отнюдь не разделял этого чувства.

– В связи с чем я увеличил штат твоей группы на одну единицу. Ее зовут Роза.

Карл содрогнулся.

Выйдя от начальника, Карл постоял, пытаясь придать лицу нормальное выражение. Беда не приходит одна, как говорится. Всего пять минут, как пришел на работу, и нате вам: ты уже назначен наставником начинающей секретарши, а заодно и гидом группы ротозеев из Осло. Эту радость ему уже давно обещали, но за время отпуска он об этом благополучно забыл.

– Где тут у вас новенькая, которую направляют ко мне? – спросил он, остановившись у барьера, за которым сидели секретарши.

² Дейтон Лен (р. 1929) – английский писатель, автор популярных детективов и шпионских романов.

Эта барыня фру Сёренсен даже не подняла головы от клавиатуры.

Он постучал по барьеру. Никакого эффекта.

Но тут кто-то тронул его за плечо.

– Роза, вот он, собственной персоной, – сказали за спиной. – Позволь представить – Карл Мёрк.

Обернувшись, он увидел перед собой два поразительно похожих лица и подумал, что изобретатель черной краски прожил жизнь не зря. Плоды его трудов были представлены здесь по максимуму: черные как смоль волосы, очень короткие и всклокоченные, черные-пречерные глаза и одежда чернее ночи. Даже жутко смотреть.

– Лиза, да что это с тобой, черт возьми?

Самая симпатичная секретарша отдела по расследованию убийств провела рукой по голове, еще недавно белокурой, и одарила его сияющей улыбкой:

– Правда же, классно выглядит?

Карл медленно кивнул и посмотрел на вторую девушку. Она стояла перед ним на вычурных каблуках и обворожительно улыбалась. Затем Карл вновь перевел взгляд на Лизу, которая была до ужаса похожа на новенькую. Поди узнай, кто тут с кого слизал новый имидж!

– Так вот, это Роза. Пару недель назад она украсила собой наш секретариат, и теперь я передаю ее под твое покровительство. Прошу любить и жаловать!

Карл ворвался в кабинет Маркуса, держа наготове все необходимые аргументы, но через двадцать минут ему стало ясно, что этот спор он заранее проиграл. У него есть неделя на подготовку к встрече делегации, а что касается девушки, то ее без всяких разговоров следует сейчас же препроводить к себе в отдел. Рядом с кабинетом Карла находилась кладовка, где хранились предупреждающие ленты и прочее оснащение для ограждения мест происшествия. Сейчас это помещение уже освободили и обставили соответствующим образом, сообщил Маркус Якобсен. Роза Кнудсен с этого дня зачислена в качестве нового сотрудника отдела «Q», и это не обсуждается.

Какими бы мотивами ни руководствовался начальник, Карла это совершенно не интересовало.

– Школу полиции она закончила с наивысшими баллами, но провалила практику вождения, а без этого никуда, какой бы ты ни был отличник по другим предметам. К тому же она, кажется, чересчур впечатлительна для полевой работы, но непременно хотела служить в полиции, закончила секретарские курсы и год проработала в Центральном отделении. Последние две-три недели она замещала фру Сёренсен, но сейчас та вернулась, – сообщил Маркус Якобсен, в пятый раз вытаскивая и вертя в руках полную пачку сигарет.

– А почему, позволь спросить, ты не отослал ее назад в Центральное отделение?

– У них там какие-то свои внутренние заморочки. Нас это не касается.

– О'кей.

Так она еще и замешана в каких-то заморочках!

– Во всяком случае, у тебя теперь есть своя секретарша, причем толковая.

Это не утешало: толковыми Маркус называл практически всех.

– Мне кажется, она очень милая, – попытался утешить Карла Асад, когда тот вернулся в отдел «Q», залитый светом люминесцентных ламп.

– Могу тебе сообщить, что в Центральном она ввязалась в какие-то заморочки, как сказал шеф. В этом ничего милого я не вижу.

– Замо... Повтори, пожалуйста, это слово!

– Не важно, Асад. Забудь.

Помощник кивнул и глотнул из чашки чего-то, сильно пахнущего мятой.

– Карл, послушай. В том деле, что ты поручил мне, я без тебя не продвинулся ни на шаг. Я везде смотрел – и тут и там, но все папки пропали, пока наверху переезжали.

Карл вскинул голову. Пропали? Какого черта! Ладно, значит, на сегодня есть чем заняться.

– Ну да. Совсем пропали. Но потом я поискал на всякий случай тут и вот что нашел. Это очень интересно.

Асад протянул ему светло-зеленую папку и застыл, как соляной столп, с радостным выражением на лице.

– Ты так и будешь стоять надо мной, пока я читаю?

– Да, с удовольствием, – вежливо ответил Асад и поставил свою чашку на стол Карла.

Карл набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Затем открыл папку.

Дело было по-настоящему старое. Точнее, датированное 1987 годом – в то лето Карл с товарищем отправился на поезде посмотреть копенгагенский карнавал и там учился танцевать самбу у рыженькой девушки, которая так прониклась жгучими ритмами, что для них ночь получила божественное завершение на одеяле за каким-то кустом в парке Конгенс Хаве. Ему тогда было двадцать с небольшим, и он никогда еще не чувствовал себя настолько сексуально просвещенным, как после этой встречи.

Хорошее было лето! А еще его тогда перевели из Вейле в полицейский участок на Антонигаде.

Убийства, очевидно, произошли через пару месяцев после карнавала – как раз тогда рыженькая танцовщица углядела от него к другому ютландцу. И даже в те самые дни, когда он начал делать первые ночные обходы по тесным улицам Копенгагена. Даже странно, что он ничего не помнил об этом весьма необычном деле. В летнем домике в окрестностях озера Дюбесё в Рёввиге обнаружили забитыми насмерть двоих молодых людей, брата и сестру, семнадцати и восемнадцати лет. Девушка пострадала сильнее, однако следы сексуального насилия отсутствовали, признаков ограбления тоже не было.

Карл еще раз прочитал отчет о вскрытии, затем просмотрел газетные вырезки. Их было всего несколько, зато заголовки напечатаны самым крупным шрифтом.

«Забиты до смерти», – сообщалось в «Берлигские тиденде», причем описание трупов было дано удивительно подробно для этой чопорной газеты.

Оба тела лежали в комнате с камином. Девушка в бикини, ее брат – обнаженный, с зажатой в руке бутылкой коньяка. Парень был убит одним ударом в затылок, нанесенным тупым предметом. Впоследствии орудие убийства было найдено – это оказался плотницкий молоток, обнаруженный в зарослях вереска между озерами Флюндерсё и Дюбесё.

Мотив убийства остался невыясненным, но очень скоро под подозрение попала группа подростков, учащихся частной школы-пансиона, которые находились в это время на участке огромного летнего дома, принадлежавшего родителям одного из ребят. Юнцы уже не раз устраивали драки в местном развлекательном центре «Ден Рунде», что приводило к нанесению тяжелых телесных повреждений.

– Ты дошел до того места, где описываются подозреваемые?

Карл исподлобья взглянул на Асада, но это не подействовало.

– В отчете также сказано, что все они были из обеспеченных семей. Ведь, кажется, в эти самые золотые восьмидесятые, или как там называются эти годы, таких было немало?

Карл кивнул. Он как раз добрался до этого места в тексте.

Так и есть. Все отцы и сейчас были заметными персонами.

Он несколько раз проглядел список компании юных правонарушителей. Мало того, что их отцы были известными и богатыми людьми. Со временем и сами молодые хулиганы стали такими же. Они родились с серебряной ложкой во рту и сумели превратить ее в золотую.

Например, Дитлев Прам – хозяин ряда частных клиник, Торстен Флорин – известный дизайнер, Ульрик Дюббёль-Йенсен – биржевой аналитик. Все трое занимали верхние строчки в списке самых преуспевающих датчан, как прежде и четвертый их друг Кристиан Вольф, ныне покойный владелец судоходной компании. Из списка выпадали только двое: Кирстен-Мария Лассен, чье местонахождение в настоящее время было никому не известно, и Бьярне Тёгерсен, который сознался в убийстве тех двоих в летнем домике и ныне сидел в тюрьме. Происхождение он имел более скромное, чем остальные.

Закончив чтение, Карл захлопнул папку и бросил на стол.

– Я не понимаю, как это дело попало к нам, – сказал Асад, как ни странно – без улыбки.

– И я не понимаю. – Карл покачал головой. – Виновник уже найден и осужден. К тому же сам явился в полицию и сделал признание. Какие тут еще могут быть сомнения? Дело закончено и закрыто.

– Так-то так, – согласился Асад, покусывая губу. – Но он пришел с добровольной явкой только десять лет спустя.

– И что из этого? На момент совершения убийства ему было только восемнадцать. Может, все эти годы его мучила совесть? Бередила душу?

– Бере... что?

– Берeditь – беспокоить, тревожить, мучить, – со вздохом пояснил Карл, уже привыкший к тому, что в обязанности начальника отдела входит и обучение датскому языку сотрудников-иммигрантов. – Так говорят, когда нечистая совесть с годами не успокаивается.

В голове сирийца шла такая работа, что было прямо слышно, как вертятся колесики.

– Над этим делом работала полиция Нюкёбинга в Зеландии и Хольбека. Занималась этим и развездная бригада. Но я нигде не нашел сведений о том, кто направил к нам это дело. А ты?

Карл кинул взгляд на первую страницу:

– Действительно, об этом тут ничего не сказано. Очень странно!

Если папку не переслали из того или иного округа, то кто же тогда мог это сделать? Да и вообще – зачем было поднимать старое дело, закончившееся приговором суда?

– Может быть, тут есть связь с этим? – предположил Асад и, поискав в папке, протянул Карлу выдержку из «Налогов и сборов».

Заголовок гласил: «Годовой отчет». Адресатом значился Бьярне Тёгерсен, проживающий в коммуне Альбертслунд в государственной тюрьме Вридслёселилле. Убийца двоих молодых людей, брата и сестры.

– Посмотри! – сказал Асад, указав пальцем на громадную сумму, значившуюся в графе продажи акций. – Что ты на это скажешь?

– Скажу, что он человек из богатой семьи и сейчас у него как раз полно досуга, чтобы заниматься финансовыми играми. Очевидно, у него это неплохо получается. А на что ты намекаешь?

– На то, что он-то был не из богатой семьи. Он единственный среди этих ребят из частной школы учился на стипендию. Можешь проверить: он совсем не то, что остальные в этой группе. Вот посмотри!

Асад пролистал папку обратно к началу. Карл пригорюнился, подперев рукой голову. С отпуском всегда так: не успеешь оглянуться, как он уже кончился!

4

Осень 1986 года

Эти шестеро из второго класса гимназии были очень разными, но одна вещь их объединяла. После занятий они собирались в лесу или еще где-нибудь подальше от посторонних глаз, и никакой ливень не мог им помешать пустить по кругу чиллум. Все необходимое ждало их в дупле дерева, об этом заботился Бьярне: сигареты «Сесиль», спички, фольга и самая лучшая анаша, какую только можно было достать на рынке в Нэстведе.

Сбившись в кружок, они торопливо затягивались на свежем воздухе, стараясь следить за тем, чтобы их потом не выдали зрачки. Главным для них был не кайф – это все служило лишь средством доказать, что им наплевать на все авторитеты. А для этого нет ничего лучше, чем курить дурь чуть ли не под дверью школы. Ради этого они и раскуривали чиллум назло учителям, похваляясь друг перед другом и фантазируя, что бы они сделали с ними, будь их воля.

Так продолжалось целую осень, пока однажды Кристиан и Торстен едва не попались: этот запах не мог перебить никакой чеснок. Тогда они решили не курить, а глотать дурь, потому что в таком случае ее нельзя унюхать.

С этого времени все началось по-серьезному.

Однажды их застали врасплох. Уже под кайфом, они стояли и трепались возле реки, спрятавшись за густыми кустами, с которых каплями стекал подтаявший иней. И тут из-за ветвей вынырнул один из младших учеников – белобрысый, полный амбиций несчастный отличник, отправившийся за жучками к уроку биологии.

В этот момент Кристиан как раз прятал дурь в дупло, Торстен, Ульрик и Бьярне веселились как припадочные, а Дитлев запускал руку под блузку Кимми. Она тоже хохотала как безумная. Дурь сегодня оказалась на редкость качественной.

– Я все скажу директору! – крикнул мальчонка и даже не заметил, как моментально оборвался смех старшеклассников.

Он был бойкий парнишка и привык всех задирать. К тому же они находились не в том состоянии, чтобы за ним гнаться, но вокруг росли густые кусты, а угроза была для них слишком страшной.

Больше всех потерял бы в случае исключения Бьярне, поэтому Кристиан его и подтолкнул к пойманному сопляку. Он первым и ударил.

– Тебе хорошо известно, что мой отец, если захочет, в два счета раздавит фирму твоего отца! – закричал мальчишка. – Вали отсюда, Бьярне, дрянь паршивая, а не то хуже будет. Отпусти, дурак!

На секунду они замерли в нерешительности. Мальчишка уже много крови попортил другим ребятам. Раньше в этой же школе учились его отец, дядя и старшая сестра; его семья постоянно делала взносы в фонд школы, и такие, как Бьярне, зависели от этих взносов.

Но тут вперед выступил Кристиан. Для него подобных проблем не существовало.

– Если будешь молчать, получишь двадцать тысяч крон, – заявил он совершенно серьезно.

– Двадцать тысяч! – презрительно фыркнул мальчишка. – Да я только позвоню отцу, и он даст мне вдвое больше!

И плюнул Кристиану в лицо.

– Черт тебя побери, паршивец ты маленький! Если скажешь хоть слово, мы тебя убьем!

Раздался звук удара, мальчишка отлетел назад и упал на пень. Было слышно, как хрустнули сломанные ребра.

В первую секунду он чуть не задохнулся от боли, но в глазах по-прежнему горело упрямство. Тут подошел Дитлев:

– Сейчас мы можем тебя задушить, дело несложное. Или утопить в реке. Или можем отпустить и дать тебе двадцать тысяч крон, чтобы ты молчал. Если ты скажешь, что упал и ушибся, тебе поверят. Так что же ты выбираешь, паршивец?

Ответа не последовало.

Дитлев вплотную подошел к лежащему мальчишке и бросил на него изучающий взгляд. Его занимала реакция этого сопляка. Он занес руку для удара, но мальчик по-прежнему не реагировал. Тогда Дитлев изо всей силы хлопнул его по голове ладонью. Мальчик испуганно съежился, а Дитлев ударил снова. Он ощутил острое наслаждение и заулыбался.

Потом он говорил, что никогда еще так не оттягивался, как от этого удара.

– Дай я тоже! – Ухмыляясь, к потрясенному мальчику подошел Ульрик.

Ульрик был самый крупный из них, и его кулак оставил на скуле мальчика ужасную ссадину.

Кимми начала было возражать, но ее слова утонули в таком взрыве хохота, от которого взметнулись с веток все птицы в роще.

Они сами отнесли мальчика в школу и позаботились о том, чтобы его забрала «скорая». Часть компании сомневалась, что из этого что-то получится, но мальчик никого не выдал. После случившегося он так и не вернулся в школу. Ходили слухи, что отец забрал его к себе в Гонконг, но правда это или нет, так никто и не узнал.

Несколько дней спустя они поймали в лесу собаку и забили ее до смерти.

Однажды ступив на этот путь, они уже не могли с него свернуть.

5

Над фасадом с тремя широкими «дворцовыми» окнами красовалась надпись «Каракас». Вилла была построена на деньги, нажитые кофейной торговлей.

Дитлев Прам сразу разглядел заложенные в этом здании возможности. Сюда еще парочку колонн да парочку стенок из зеленоватого стекла в два-три метра высотой. Прямые линии бассейнов с текущей водой и спускающиеся к Эресунну ровные лужайки с футуристическими скульптурами – и вид новенькой частной клиники обрел законченность. Она специализировалась на зубной хирургии и пластических операциях – не слишком оригинально, но чрезвычайно прибыльно как для Дитлева, так и для многочисленных индийских и восточноевропейских хирургов и дантистов, которых он нанял.

Дитлев, его старший брат и две младшие сестры получили в наследство огромное состояние, которое их отец сколотил на биржевых спекуляциях и враждебных поглощениях, и Дитлев управлял своей долей очень удачно. Сейчас его империя включала шестнадцать клиник, еще четыре находились на стадии проектирования. Хорошо продвигался проект, после реализации которого на его счет будет перетекать пятнадцать процентов денег, зарабатываемых в Восточной Европе на операциях груди и подтяжках лица. К северу от Шварцвальда, вероятно, не оставалось ни одной обеспеченной женщины, которая не побывала бы на каком-то из операционных столов Дитлева Прама, исправляя ошибку, допущенную природой.

Короче говоря, дела его шли отлично. Тревожила только мысль о Кимми. Вот уже год подсознание непрестанно сверлила мысль об этом убогом существе, и теперь Дитлев решил, что все, хватит.

Он поправил на столе авторучку «Монблан» и снова взглянул на свои часы фирмы «Брейтлинг». Времени было предостаточно. До прихода Ольбека оставалось двадцать минут. Еще спустя пять минут появится Ульрик, а может, и Торстен придет.

Дитлев встал и по коридорам, обшитым черным деревом, проследовал мимо стационарных и операционных помещений. На ходу он приветливо и доброжелательно кивал всем встречным, которые считали его принадлежащим к сливкам общества, а затем через вращающуюся дверь вошел в хозяйственное отделение. Оно располагалось в крайнем крыле с великолепным видом на сияющий холодной синевой морской простор Эресунна.

Пожав руку дежурному повару и осыпав его такими похвалами, что тот даже смутился, Дитлев потрепал по плечу его помощников и скрылся в прачечной. Путем тщательных подсчетов он установил, что предприятие Берендсена «Текстиль сервис» могло производить стирку быстрее и дешевле, но завел собственную прачечную совсем из других соображений: она предоставляла в его распоряжение не только чистое белье, но и шесть филиппинок. Кто же станет на этом экономить какие-то жалкие кроны?

При появлении хозяина смуглокожие женщины вздрогнули. Дитлева это всегда забавляло. Схватив за плечо первую попавшуюся, он тут же потащил ее в бельевую. У нее был испуганный вид, но дело свое она знала. Имея самые узкие бедра и самые маленькие груди из всех, она тем не менее была из них самой опытной. После всего того, через что она прошла в борделях Манилы, эту девушку не могли утратить никакие прихоти, до которых сумел бы додуматься Дитлев.

Встав на колени, она стянула с него брюки и занялась своим делом, а он только равномерно бил ее по плечам. Но несмотря на все ее старания, он не получал с ней разрядки. Оргазма он достигал иным путем, а тут только накачивался адреналином в такт ударам, которыми осыпал ее плечи. Затем он поднял ее за волосы и, стянув с нее трусы, запустил туда руку, в то же время языком глубоко проникнув ей в рот.

Когда он оттолкнул ее от себя и бросил на пол, оба уже получили все по полной программе и даже больше.

Он привел в порядок одежду, засунул женщине в рот бумажку в тысячу крон и удалился, приветливо кивнув на прощание остальным прачкам. Они с облегчением проводили его глазами. Напрасно они радуются! Всю следующую неделю он был намерен посещать клинику «Каракас» и получать все, что следовало. Чтобы девицы почувствовали, кто тут хозяин.

Частный сыщик выглядел препаришно, и его пребывание в вылизанном до блеска кабинете Дитлева казалось совершенно неуместным. Сразу становилось ясно, что этот долговязый и худосочный тип всю ночь провел на улицах Копенгагена. Ну и что с того? Разве не за это ему платят деньги?

– Ну что там, Ольбек? – буркнул Ульрик. Он сидел рядом с Дитлевым, вытянув ноги так, что они торчали из-под стола. – Есть какие-нибудь новости об исчезнувшей Кирстен-Мариин Лассен?

«Он каждый раз так начинает разговор с Ольбеком», – подумал Дитлев, устремив досадливый взгляд в даль за панорамным окном. По морю ходили свинцовые волны.

Черт побери! Когда это кончится! Мысль о Кимми ни на минуту не выходит из головы, сколько же можно терпеть! Когда они ее наконец поймут, она исчезнет по-настоящему. Уж он придумает, что тут сделать.

Частный сыщик повертел шеей и подавил зевок:

– Ее несколько раз видел сапожник из будки на Центральном вокзале. Она все время таскает за собой чемодан на колесиках. В последний раз на ней была клетчатая юбка из шотландки. В основном все та же одежда, которую описывала женщина в Тиволи. Но, по моим сведениям, Кимми появляется на вокзале нерегулярно. В ее жизни вообще нет никакого порядка. Я опросил там всех: железнодорожных служащих, полицейских, пьяниц, торговцев. Некоторые знают о ней, но никто не может сказать ни где она бывает, ни кто она вообще такая.

– Направь на вокзал целую группу, чтобы наблюдали днем и ночью. Ведь когда-нибудь она опять появится.

Ульрик встал со стула. Он был крупный мужчина, но словно бы становился меньше ростом, когда разговор заходил о Кимми. Возможно, он, единственный из них, был в нее когда-то по-настоящему влюблен. «Интересно, он все еще не может успокоиться, что так и остался единственным, кто ее не поймел?» – в тысячный раз подумал Дитлев, посмеявшись про себя своим мыслям.

– Круглосуточное наблюдение? Это влетит вам в копеечку. – Ольбек потянулся к своему дурацкому рюкзаку за калькулятором.

– Сейчас же прекрати! – рявкнул Дитлев, подавив желание запустить чем-нибудь Ольбеку в голову, и продолжил, откинувшись в кресле: – Брось болтать о деньгах, ты все равно ничего в этом не смыслишь! Сколько, по-твоему, это может стоить? Пару сотен тысяч? Как ты думаешь, сколько мы с Ульриком и Торстеном заработали за то время, что болтали тут о твоих дурацких почасовых расценках?

После этой тирады он все же взял ручку и кинул ее через стол – метил Ольбеку в глаз, но промахнулся.

Когда тощая фигура сыщика исчезла за дверью, Ульрик подобрал ручку «Монблан» и засунул в карман.

– Что упало, то пропало! – со смехом сказал он.

Дитлев не отреагировал, но пусть только Ульрик попробует проделать такое еще раз!

– От Торстена были сегодня какие-нибудь известия? – спросил он.

Ульрик резко помрачнел:

– Да, сегодня утром он поехал в загородное имение в Грибсков.

– Его разве не интересует, что тут делается?

Ульрик пожал плечами. За последнее время он растолстел: вот что значит нанять повара, который особенно славится умением готовить *foi gras*!³

– Он сейчас немного не в форме.

– Понятно. Придется нам управляться без него, – процедил Дитлев сквозь зубы.

В один прекрасный день у Торстена окончательно сдадут нервы. Об этом надо помнить, потому что тогда он станет не меньшей угрозой, чем Кимми.

– Ты же не сделаешь ничего Торстену? – Ульрик пристально взглянул на него. – А, Дитлев?

– Ну разумеется, нет, старина. Это же Торстен!

Секунду они сверлили друг друга взглядами исподлобья, как два хищника. Дитлев знал, что в упрямстве ему с Ульриком не тягаться. Фирму биржевого анализа создавал его отец, но только благодаря Ульрику она завоевала свою нынешнюю главенствующую позицию. Если уж он ставил себе какую-то цель, то всегда добивался своего, не гнушаясь никакими средствами.

– Ладно, Ульрик, – прервал Дитлев молчание. – Подождем, пока Ольбек не сделает свою работу, а там посмотрим, как дальше.

Ульрик сразу расслабился.

– Фазанья охота состоится? – спросил он с детским интересом.

– Да. Бент Крум собрал всю команду. В четверг к шести утра в гостинице «Транекер». Пришлось пригласить местную шушера, но это в последний раз.

Ульрик засмеялся:

– Думаю, вы припасли нечто особенное?

– Да, – кивнул Дитлев. – Сюрприз уже ждет.

На щеках Ульрика заходили желваки. Одна мысль о такой перспективе его заметно возбуждала. На лице было написано нетерпеливое волнение, выиграло его истинное «я».

– Ну, Ульрик? Не хочешь пойти и посмотреть, как поживают в прачечной мои филиппинки?

Ульрик вскинул голову, глаза его были прищурены. Иногда это означало да, иногда – нет. Угадать было невозможно. Слишком уж много в нем жило самых разных наклонностей.

³ *Foi gras* (фуа гра) (*фр.*) – паштет из гусиной печени.

6

– Лиза, когда это дело попало ко мне на стол? Можешь сказать?

Поправляя свою новенькую беспорядочную прическу, Лиза посмотрела на папку в руке Карла и опустила уголки губ: вероятно, это означало, что она не знает.

Карл протянул папку фру Сёренсен:

– А вы? Может быть, вы знаете?

– Очень сожалею, – заявила та, за пять секунд пробежав глазами первую страницу.

Во взгляде фру Сёренсен промелькнуло торжество, как всегда, когда у Карла возникали проблемы. Ее это радовало. Ни начальник отдела по расследованию убийств, ни его заместитель Ларс Бьёрн, ни кто-то из следователей не смог ничего прояснить. Создавалось впечатление, что дело легло к нему на стол само собой, без посторонней помощи.

– Карл, я позвонил в полицию Хольбека! – крикнул из своего закутка Асад. – Они считают, что эта папка стоит на месте у них в архиве. Но они проверят, когда выберут время.

Карл водрузил на середину стола свои башмаки сорок пятого размера:

– А что говорят в Нюкёбинге?

– Секундочку! Сейчас позвоню.

Набирая номер, Асад насвистывал какую-то меланхолическую мелодию своей родины, причем, как показалось Карлу, задом наперед. Не сказать чтобы так выходило лучше. Карл поднял взгляд на доску для объявлений. Там красовались четыре газетные вырезки с первых полос, трогательно единодушных в своих высказываниях: дело Мереты Лjungгор блестяще раскрыто, новый отдел «Q», под руководством Карла Мёрка занимающийся особо важными делами, показал себя как успешное во всех отношениях начинание.

Карл взглянул на свои усталые руки: они едва удерживали толстую папку с делом, попавшим к нему неведомым путем. В таких условиях слово «успешный» отзывалось во всем теле каким-то неприятным ощущением пустоты.

Вздыхнув, Карл еще раз просмотрел документы. Убийство двух молодых людей, совершенное со зверской жестокостью. Под подозрением оказались несколько отпрысков богатых семей, а спустя девять лет один из этой группы, причем самый бедный, объявляет себя виновным. Через неполных три года Тёгерсен уже выйдет на свободу – причем гораздо богаче прежнего, с кучей денег, заработанных на торговле акциями за время пребывания в тюрьме. Неужели заключенным разрешается заниматься финансовыми операциями? Даже подумать противно!

Карл проштудировал копии протоколов допросов и в третий раз бегло просмотрел остальные бумаги из дела Бьярне Тёгерсена. Судя по всему, убийца раньше не был знаком со своими жертвами. Говорил, правда, что они несколько раз встречались, но это не подтверждалось никакими другими данными. Скорее, документы свидетельствовали об обратном.

Он снова посмотрел на первую страницу. На ней было написано: «Полиция Хольбека». Почему не Нюкёбинга? Почему с ними не работала разъездная бригада? Сыщики из Нюкёбинга не справились с задачей или, наоборот, подобрались к разгадке слишком близко?

– Ау, Асад! – крикнул Карл, высунувшись в освещенный холодным светом коридор. – Позвони и спроси там, в Нюкёбинге, нет ли у них кого-нибудь в отделении, кто был бы лично знаком с убитыми.

Внятного ответа не последовало – из каморки Асада доносилось лишь бормотание.

Карл встал и вышел в коридор:

– Асад, спроси, есть ли там в участке кто-то...

Асад жестом остановил его: телефонный разговор был у него в самом разгаре.

– Да, да, да, – говорил он в трубку примерно с десяток раз.

Карл тоскливо вздохнул и огляделся. На полочке прибавилось еще несколько фотографий в рамочках; в самой середине теперь красовалась одна, на которой были засняты две женщины. У первой был темный пушок над верхней губой, у второй целая грива черных волос, которые закрывали ей лицо. Карл догадался, что это тетушки Асада.

Положив трубку, помощник кивнул на фотографию.

– Это мои тетушки из Хамы. Та, у которой густые волосы, уже умерла.

Карл ничего другого и не ожидал.

– Что сказали в Нюкёбинге?

– Там тоже ответили, что не посылали нам никакого дела. Да они и не могли этого сделать, потому что к ним оно не поступало.

– Вот как! А в деле указано, что над ним работали вместе нюкёбингское и хольбекское отделения и разъездная бригада.

– Нет, они говорят, что Нюкёбинг отвечал только за вскрытие, а затем дело было передано в другие руки.

– Да? Довольно странно, мне кажется. Ты не знаешь, в Нюкёбинге есть кто-нибудь, кто состоял бы в личных отношениях с жертвами?

– И да и нет.

– Что это значит?

– Убитые были детьми одного из ассистентов криминального отдела. – Асад показал свои записи. – Его звали Хеннинг. Хеннинг П. Йоргенсен.

Карл представил себе искалеченную и убитую девушку – постоянный кошмар всех полицейских. Только вообразить, что однажды это окажется твоя дочь!

– Вот оно что! Печальный случай. Зато теперь мы знаем, почему дело возобновлено. За этим наверняка стоят какие-то личные отношения. Что еще?

Асад откинулся на спинку стула.

– Но больше в отделении Нюкёбинга не осталось человека, который был бы в родстве с жертвами. Он зашел в оружейную комнату и разрядил служебный пистолет прямо сюда, – закончил сириец, потыкав коротким толстым пальцем себе в висок.

Полицейская реформа принесла много удивительного. Округа получили другие наименования, сотрудники – новые звания, архивы переехали. В общем, теперь все только и занимались тем, что пытались сориентироваться и вновь обрести точку опоры. А те, кому это оказалось не под силу, и вовсе бросили службу, преждевременно выйдя на пенсию.

Раньше это было для полицейских делом нешуточным. В среднем срок жизни по окончании изнурительной службы в полиции не доходит и до десяти лет. Хуже обстояло дело только среди журналистов, хотя, вероятно, в этой профессиональной группе причиной смерти становился в основном алкоголь.

Карл знал служащих криминального отдела, которые отдали концы, не прожив на пенсии и года. Но эти времена, слава богу, остались позади. Даже полицейские хотят посмотреть мир и дотянуть до того дня, когда внуки закончат школу. В результате многие покинули ряды защитников закона – например, Клас Томасен, который служил раньше в Нюкёбинге, а сейчас, изрядно растолстевший, стоял перед Карлом. «Тридцать пять лет отходить в сине-черном – этого человеку достаточно, – говорил он, кивая. – Потом тебе гораздо важнее дом и жена». Карл прекрасно его понимал, хотя в его случае насчет жены дело обстояло не так однозначно. Официально жена у Карла тоже имела, но вот уже несколько лет, как она от него ушла, и вряд ли многочисленные любовники согласились бы вернуть ее к семейному очагу. Впрочем, ему и самому не приходило в голову этого требовать.

За широкими двустворчатыми окнами расстилались поля, окружавшие Стенлёсе; перед домом Класа Томасена раскинулся ухоженный газон.

– Очень красиво тут у вас, – высказал свое восхищение Асад.

– Спасибо, что согласились с нами встретиться, – сказал Карл. – Не много осталось людей, знавших Хеннинга Йоргенсена по работе в полиции.

– Лучшего сослуживца и друга трудно себе представить. – Улыбка сбежала с лица Класа Томасена. – Мы тогда жили по соседству. Кстати, в том числе поэтому мы и переехали: просто не выдержали, когда его вдова заболела и лишилась рассудка. Слишком уж тяжелые воспоминания связаны с этим местом.

– Как я понимаю, Хеннинг Йоргенсен заранее не знал, кого он найдет убитыми в летнем домике.

Клас покачал головой:

– Нас вызвал жилец соседнего дома. Он заглянул туда повидаться с хозяевами и нашел тела. Позвонил в участок, и я принял вызов. У Йоргенсена в тот день был выходной. Он приехал за своими ребятами и застал перед домом полицейские машины. Назавтра кончались каникулы, и ребятам надо было идти на занятия в третий класс гимназии.

– Вы были уже там, когда он подъехал?

– Да. Вместе с техниками и начальником следственной группы. Начальника уже тоже нет в живых. – Томасен покачал головой. – Автомобильная авария.

Асад достал блокнот и сделал пометку. Не успеешь оглянуться, как помощник все научится делать сам. Карл решил, что этому следует радоваться.

– Что вы увидели в летнем домике? В общих чертах.

– Все окна и двери были нараспашку. Имелись различные следы ног. Башмаков мы так и не нашли, но они нанесли в дом песка, и мы сумели определить его происхождение – таким песком была посыпана терраса у родителей одного из подозреваемых. Затем мы вошли в комнату с камином и увидели на полу трупы.

Томасен сел поближе к диванному столику и жестами подозвал обоих слушателей поближе.

– Девушка была в таком виде, что даже не хочется вспоминать. Сами понимаете, я ведь ее знал.

Тут подошла его немолодая жена и стала наливать гостям кофе. Асад принялся было отказываться, но она не обратила внимания.

– Никогда еще не видел такого избитого тела, – продолжал Томасен. – Девушка была маленькая и хрупкая. Даже непонятно, как она еще продержалась так долго.

– Что вы имеете в виду?

– Вскрытие показало, что она еще была жива, когда ее бросили. Прожила около часа. Кровь из печени скапливалась в брюшной полости, слишком сильное было кровотечение.

– Убийцы сильно рисковали.

– Какое там! Даже если бы она выжила, рассказать ничего бы не смогла – слишком обширные повреждения мозга. Это сразу было видно.

Он отвернулся к окну. Карл по себе знал, каково это бывает: когда перед глазами всплывают подобные картины, поневоле отворачиваешься, стараясь отвлечься на что-то другое.

– И убийцы это знали?

– Знали. Когда лоб пробит насквозь, все сразу становится ясно.

– А мальчик?

– Он лежал рядом. С удивленным, но умиротворенным выражением лица. Такой был хороший мальчик! Я много раз встречался с ним – и дома, и в участке. Он хотел стать полицейским, как отец.

Томасен посмотрел на Карла – у полицейского, много повидавшего, редко встретишь такой опечаленный взгляд.

– И тут пришел отец и все это увидел?

– Да, к сожалению. – Томасен покачал головой. – Он хотел забрать тела прямо оттуда. В отчаянии метался по месту преступления и, наверное, уничтожил много следов. Нам пришлось силой вытащить его из дома. Я до сих пор не могу себе этого простить.

– И тогда вы передали дело хольбекскому отделению?

– Нет. У нас его отобрали. Может быть, по пирожному?

Томасен кивнул жене и взглянул на накрытый стол, но вид у него был такой, словно он ждет, что они откажутся, попрощаются и уйдут.

– Так это вы переслали нам дело?

– Нет, не я. – Хозяин поднес к губам чашку и покосился на заметки Асада. – Но я рад, что расследование возобновилось. Каждый раз, когда я вижу по телевизору эту скотину Дитлева Прама, и Торстена Флорина, и этого биржевика, у меня на весь день настроение портится.

– Похоже, у вас сложилось определенное мнение насчет того, кто в этом виновен.

– Еще бы, можете не сомневаться!

– А как же тогда осужденный, то есть Бьярне Тёгерсен?

– Поверьте мне, эта чертова шайка богатеньких деток сделала все сообща. – Нога бывшего полицейского описывала круги под столом, но лицо оставалось спокойным. – Дитлев Прам, Торстен Флорин, биржевик и та девчонка, которая за ними таскалась. И эта дрянь Бьярне Тёгерсен тоже в этом участвовал, но все они действовали вместе. Включая Кристиана Вольфа, шестого в компании. И умер он не от какого-то там сердечного приступа. Если хотите знать мое мнение, его устранили остальные, потому что он перетрусил и ударился в панику.

– А я слышал, Кристиан Вольф погиб от несчастного случая на охоте. Сам нечаянно выстрелил себе в бедро и истек кровью, потому что поблизости никого не оказалось.

– Не верю этому ни на грош! Это убийство.

– И на чем ваша теория основана? – вмешался Асад и потянулся через стол за пирожным, внимательно глядя в лицо Томасена.

Тот лишь пожал плечами: дескать, интуиция полицейского. Откуда Асаду знать, что это такое, должно быть, подумал он.

– А вам известно что-нибудь, что нам надо знать в связи с этим делом? – продолжал Асад. – Что-нибудь такое, чего мы сами бы не нашли?

Клас Томасен пододвинул блюдо с пирожными поближе к гостю:

– Вроде бы ничего...

– Ну а кто знает? – Асад отодвинул блюдо. – Кто подскажет нам следующий шаг? Если нам никто не поможет продвинуться, дело опять ляжет на полку.

Поразительно острое замечание!

– Я бы попробовал поговорить с женой Хеннинга, Мартой Йоргенсен. После гибели всей семьи она еще долго обивала пороги у следователей. Возможно, она вам чем-то поможет.

7

Над железнодорожным полотном висел серый туманный рассвет. За линией, над которой протянулась паутина электрических кабелей, уже давно гудели желтые автомобили почтового терминала. Народ ехал на работу, и электрички, сотрясавшие жилище Кимми, шли битком набитые.

Все это могло бы стать прелюдией обыкновенного дня, но в душе у нее бушевали сорвавшиеся с цепи демоны. Они были словно видения лихорадочного бреда: зловещие и неуправляемые, незванные гости.

Встав на колени, она попыталась помолиться, чтобы голоса умолкли, но у высших сил, как всегда, оказался неприятный день. Тогда она приложила к бутылке, стоявшей возле ее импровизированной койки, и, сделав несколько глотков обжигающего напитка, решила не брать чемодан. Она и без того таскала с собой тяжелый груз ненависти, отвращения, ярости.

Со времени смерти Кристиана Вольфа первым на очереди у нее числился Торстен Флорин. Мысль о нем всплывала очень часто.

Лисья морда Торстена попала ей недавно в газете: на снимке он гордо красовался в своем только что открывшемся после ремонта Доме мод на Индийской набережной в Старой гавани, похожем на стеклянный дворец. Реставрация этого здания принесла ему премию; там-то она и заставит его вернуться с облаков на землю.

Морщась от боли в пояснице, Кимми слезла с продавленной колченогой койки и понюхала у себя под мышками. Запах не слишком ощущался, так что с походом в бассейн при гостинице «ДГИ-бю» можно пока подождать.

Сунув руку под койку, Кимми достала маленький ящичек и открыла крышку.

– Ну, как ты спала, деточка? – спросила она, поглаживая пальцем крошечную головку, и, как всегда, подумала: «До чего у нее мягонькие волосики и длинные реснички!»

Она нежно улыбнулась малышке, бережно закрыла ящичек и засунула его на прежнее место. Как всегда, это было для нее лучшей минутой после пробуждения.

Перетряхнув кучку вещей, она выбрала самые теплые колготки. Проступившая на потолке сырость предупреждала, что осень нынче выдалась капризная.

Одевшись, Кимми осторожно выглянула за дверь кирпичного домика, за которой тянулось железнодорожное полотно. От круглосуточно мчащихся по нему электричек ее отделяло меньше полутора метров.

Рядом никого, и никто ее не увидит.

Она выскользнула наружу, заперла дверь на ключ, застегнула пальто. Прошла мимо серо-стальной трансформаторной будки, которую изредка проверяли служащие Датских железных дорог, и вышла на асфальтированную дорожку, которая вела к решетчатой калитке, выходящей на улицу Ингерслевсгаде.

Заполучить ключ от этой калитки было для нее когда-то недостижимой мечтой. До этого, чтобы попасть к железнодорожной сторожке, надо было идти по щебенчатой насыпи вдоль ограждения от самой остановки «Дюббёльсбро». Причем появляться можно было только ночью, чтобы никто не заметил. Из круглого домика приходилось убираться еще затемно, и поспать ей удавалось только три-четыре часа. Она знала: если ее хотя бы один раз тут застанут, то больше уже не пустят. Ночь стала ее верным спутником и хранителем, и так продолжалось до тех пор, пока однажды утром она не обнаружила табличку на калитке, выходящей на Ингерслевсгаде. На табличке было написано: «Лёгструп Хейн».

Она позвонила на фабрику, представилась как Лили Карстенсен из хозяйственного управления Датских железных дорог и договорилась о встрече со слесарем перед калиткой. Ради такого повода она оделась в хорошо отглаженный брючный костюм и к приходу слесаря

была по виду истинной железнодорожной служашей. За два экземпляра ключа она расплатилась наличными и теперь могла приходить и уходить когда угодно.

Нужно было только соблюдать осторожность и следить, чтобы к ней не приставали демоны, тогда все будет в порядке.

В автобусе, идущем в сторону станции «Эстерпорт», она непрерывно бормотала себе под нос и замечала, что все вокруг на нее смотрят. «Прекрати, Кимми», – приказала она себе мысленно, но губы не слушались. Иногда ей казалось, что она слышит себя со стороны, как будто это говорит кто-то другой. Так было и сегодня. Она улыбнулась маленькой девочке, но та в ответ скорчила ей рожу.

Значит, сегодня все еще хуже, чем обычно.

Кимми вышла, не доехав несколько остановок, провожаемая взглядом множества глаз. «Никогда больше не сяду в автобус», – сказала она себе. Слишком в нем тесно, лучше уж ездить на электричке.

– Гораздо лучше! – произнесла она вслух и пошла вперед по улице Сторе Конгенсгаде.

На улице почти не было прохожих и машин. В голове почти никаких голосов.

Когда она дошла до здания на Индийской набережной, обеденный перерыв закончился. Парковка возле «Брэнд нейшнз», которая согласно надписи на эмалированной табличке принадлежала Торстену Флорину, была совершенно пуста.

Кимми открыла сумочку и заглянула внутрь. Сумочку она стащила в вестибюле стеклянного дворца у какой-то девицы, которая так увлеклась, разглядывая себя в зеркале, что ничего не замечала вокруг. Эту фифу, как можно было узнать из медицинского полиса, звали Лиза-Майя Петтерсон. «Еще одна жертва нумерологии», – подумала Кимми, отодвигая гранату и доставая из портсигара ароматную сигаретку марки «Питер Джексон», которые курила Лиза-Майя. На сигаретах было написано: «Smoking causes heart diseases»⁴.

Расхотавшись, Кимми закурила и глубоко втянула дым. С тех пор как ее выгнали из частной школы, она курила постоянно, а сердце бьется как ни в чем не бывало! Если она умрет, то явно не от сердечного приступа! В этом она была совершенно уверена.

За два часа выкурив всю пачку, она растерла окурки каблуком на плиточном полу и поймала за рукав одну из молоденьких девчонок, которые время от времени выскакивали через стеклянную дверь из «Брэнд нейшнз», и спросила:

– Вы не знаете, когда придет Торстен Флорин?

Ответом было молчание и неодобрительный взгляд.

– Не знаете? – повторила Кимми настойчивее и дернула девицу за рукав.

– Отпустите меня! – крикнула девушка, а потом вцепилась в Кимми и начала выворачивать ей руку.

Кимми сощурилась: она терпеть не могла, когда ее хватали за руку. И когда отказывались отвечать. И когда на нее смотрели. Поэтому она развернулась и с размаху двинула девчонку в скулу.

Та так и брякнулась на пол, будто мешок. Это было приятно, однако нехорошо. Кимми знала, что так нельзя делать.

– Ну говори же! – потребовала она, нависая над испуганной девушкой. – Ты знаешь, когда придет Торстен Флорин?

Услышав в третий раз дрожащее «нет», Кимми повернулась и ушла. Прежде чем явиться сюда еще раз, придется какое-то время переждать.

⁴ «Курение вызывает сердечные болезни» (англ.).

Перед магазином фирмы «Якобс фулл хаусиз» она наткнулась на Тину Крысятницу. С пластиковой сумкой в руке Тина стояла под вывеской «Грибы по сезону». Первым клиентам она предоставляла услуги в свеженакрашенном виде: с густо подведенными глазами и ярким румянцем на щеках, последующим приходилось довольствоваться тем, что осталось от этой красоты. Сейчас помада на губах у нее размазалась, – видимо, недавно Тина вытерла рот рукавом. Клиенты Тины, которых она обслуживала в прилегающих переулках, не пользовались кондомами. В жизни Тины давным-давно миновало время, когда она могла от них такое потребовать. Сейчас она вообще ничего уже не могла требовать.

– Ой, Кимми! Здравствуй, дорогуша! Как я рада тебя повидать! – заговорила она и на ножках-палочках заковыляла навстречу. – А я искала тебя, дорогуша, – продолжала Тина, размахивая рукой с зажатой в ней сигаретой. – На Центральном вокзале какие-то люди тебя разыскивают. Ты это знаешь?

Подхватив Кимми под руку, она потянула ее через дорогу, где перед кафе «Юрса» стояли скамейки.

– Где ты пропадала все это время? Я прямо по тебе соскучилась! – С этими словами Тина вытащила из пластиковой сумки две бутылки пива.

Пока Тина открывала бутылки, Кимми внимательно посмотрела в сторону Рыбного рынка.

– И кто же обо мне спрашивал? – поинтересовалась она, отстраняя протянутую бутылку.

Пиво – напиток простолюдинов, это твердо засело в ее сознании с детства.

– Да так, какие-то мужчины.

Лишнюю бутылку Тина поставила на землю под скамейку. Кимми знала, что Тина рада посидеть. В ее жизни это было главное удовольствие: в кармане деньги, в одной руке пиво, в другой сигарета, зажатая в пожелтевших пальцах.

– Тина, расскажи мне все по порядку!

– Ой, Кимми, ты же знаешь, память у меня так себе. Что поделаешь – героин! Так что тут у меня, – она постучала себя пальцами по лбу, – не очень-то в порядке. Но я про тебя ничего не сказала. Дескать, ни сном ни духом не ведаю, кто ты такая. – Тина засмеялась. – Они показали мне твою фотографию. Какая же ты была раньше красавица, дорогуша! Я тоже когда-то была хорошенькая, ей-богу, – добавила Тина, глубоко затянувшись. – Был один человек, он так и сказал. Его звали...

Она замолчала, уставившись пустым взглядом в пространство. Имя вылетело у нее из головы.

– Про меня только один человек спрашивал или их было несколько?

– Их было двое. – Тина кивнула и отхлебнула из бутылки. – Но не одновременно. Один пришел ночью, перед самым закрытием вокзала. Наверное, часа в четыре. Так могло быть?

Кимми пожала плечами: это не важно, главное, что искали ее двое.

– Сколько возьмешь? – раздался голос над их головами.

Прямо перед Кимми выросла какая-то фигура, но она никак не отреагировала. Это дело Тины.

– Сколько возьмешь за оральный? – повторил мужчина.

– Он у тебя спрашивает. – Тина толкнула Кимми в бок, ничуть не огорченная: на сегодня она уже заработала достаточно.

Кимми подняла голову: перед ней, засунув руки в карманы, стоял ничем не примечательный мужчина с довольно несчастным видом.

– Вали отсюда! – Она бросила на него злобный взгляд. – Вали отсюда, пока я не треснула тебя по башке.

Он отодвинулся и поправил одежду. Затем криво улыбнулся, словно услышал что-то очень приятное:

– Пятсот. Получишь пятсот, если сначала ополоснешь рот. Не хочу, чтобы ты меня обслюнявила. Договорились?

Он вынул из кармана деньги и помахал у нее перед носом. Голоса в голове Кимми загудели громче. «Ну давай же!» – уговаривал один. «Он сам напросился!» – хором подхватили остальные.

Она достала из-под скамейки бутылку, поднесла ко рту. Мужик над ней, не мигая, смотрел ей в глаза.

А потом она откинула голову и выплюнула пиво прямо ему в рожу. Он так и шарахнулся от нее с оторопелым выражением на лице, возмущенно оглядел свое пальто и снова посмотрел ей в глаза. Она знала, с этой минуты он стал опасен. На Скельбекгаде нападения случались нередко. Тамил, раздававший на перекрестке бесплатную газету, вряд ли захочет в это вмешиваться.

Поэтому Кимми поднялась со скамейки и шарахнула мужика бутылкой по башке; осколки разлетелись по мостовой до противоположного тротуара, где стоял покосившийся почтовый ящик. От уха веером разбежались ручейки крови, потекли на воротник. Мужчина застыл, тупо глядя на бутылочное горлышко, нацеленное в него. Вероятно, он лихорадочно соображал, как будет объясняться с женой, детьми, сослуживцами. А затем со всех ног припустил в сторону станции, уже зная, что ему понадобится доктор и новое пальто.

– Я уже встречала этого дурака, – раздался рядом гнусавый голос Тины. Как замороженная, она глядела на растекающуюся по плиткам лужу. – Черт побери, Кимми! Теперь мне придется снова идти в «Альди» за новой бутылкой. Столько пива зря пропало! И надо же было этому кретину притащиться сюда, когда мы так хорошо тут сидели!

Кимми отвернулась от убегающего мужика и выпустила бутылочное горлышко. Потом сунула руку за пояс, вытащила спрятанный под брюками замшевый кошелек и растегнула. Газетные вырезки были довольно свежие: время от времени она обновляла их, чтобы знать, как эти лица изменились. Затем она развернула вырезки и показала Тине.

– Может быть, обо мне спрашивал кто-то из этих? – Она показала на газетную фотографию с подписью: «Ульрик Дюббёль-Йенсен, глава Аналитического института биржевой деятельности, отказывается идти на поводу у буржуазных представлений».

За прошедшие годы Ульрик стал большим человеком как в прямом, так и в переносном смысле.

Сквозь облачко голубоватого сигаретного дыма Тина взглянула на вырезку и помотала головой:

– Те двое были не такие толстые.

– А этого не было?

Вырезку из дамской газеты Кимми нашла в корзине для бумаг на Эструм Фаримагсгаде. Длинноволосый, гладковыбритый Торстен Флорин походил на голубого, но таковым не являлся: за это Кимми могла поручиться.

– Этого я уже где-то видела. На «ТВ-Дания» или что-то в этом роде. Он, кажется, занимается модой?

– Тина, это был он?

Та хихикнула, словно услышала шутку. Значит, и не Торстен.

Дитлева Прама Тина тоже отвергла. Кимми сложила свои бумажки, снова засунула кошелек под одежду и спросила:

– А что эти люди говорили про меня?

– Только что разыскивают тебя, дорогуша.

– Если мы как-нибудь зайдем на вокзал и они там появятся, ты узнаешь их?

– Они же не каждый день там бывают. – Тина пожала плечами.

Кимми закусила губу. Теперь они подошли к самой сути, и надо действовать с осторожностью.

– Если ты их снова увидишь, то расскажешь мне, слышишь? Хорошенько запомни, как они выглядят, лучше даже запиши, чтобы не забыть. – Кимми положила ладонь на коленку Тины, такую острую, что она, казалось, вот-вот прорвет ветхую штанину. – Если что-то узнаешь, то оставь записку вон за той желтой доской. – Она показала на вывеску с надписью «Аренда автомобилей. Дисконт».

Тина закашлялась и закивала.

– Я буду давать тебе тысячу крон на твою крысу каждый раз, как буду получать от тебя полезные сведения. Что скажешь на это? Тогда ты сможешь купить крыске новую клетку. Она ведь по-прежнему живет у тебя в комнате, да?

Чтобы убедиться, что Тина не следит, куда она направилась, Кимми пять минут постояла возле парковки. Никто не знает, где она живет, и она старалась, чтобы и впредь это никому не стало известно.

Начиналась головная боль, появился озноб. Кимми перешла дорогу, направляясь к своей калитке. В душе смешались злость и растерянность; живущим в ней демонам это наверняка не понравится!

Только очутившись на узкой койке с бутылкой виски в руке, она огляделась и почувствовала, как начала успокаиваться. Здесь, в этом скудно освещенном тесном пространстве был ее настоящий мир, где она в безопасности. Ящичек под койкой, где лежит ее самое дорогое сокровище, плакат с играющими детьми на двери, портрет девочки, газеты на стене, которые она наклеила для тепла. Кучка одежды на полу, стопка газет в углу, две люминесцентные мини-лампы, работающие на батарейках, сменная обувь на полке. Что еще нужно? Всем этим она могла распоряжаться по своему усмотрению, а если захочется приобрести что-то новое – пожалуйста, она в состоянии это себе позволить.

Виски начинал действовать. Кимми засмеялась и проверила три тайника в стене – она почти каждый раз делала это, возвращаясь в свой маленький домик. Сперва тайничок с кредитными карточками и новейшими выписками из банка, затем хранилище наличных.

Она каждый день проверяла, сколько еще осталось. Кимми жила на улице уже одиннадцать лет, и тем не менее у нее оставалось один миллион триста сорок четыре тысячи крон. Если все и дальше так пойдет, она не потратит их никогда. Свои каждодневные потребности она обеспечивала сама, уводя чужие чемоданы и сумки. На питание уходило немного, да и спиртное стараниями заботящегося о здоровье народа правительства обходилось совсем недорого. Теперь можно спиваться за полцены – вот какая у нас стала чудесная страна!

Кимми снова засмеялась, вынула гранату из сумки и засунула ее в третий тайник к остальным. Затем так аккуратно вставила на место вынутые кирпичи, что щелки вокруг них оказались почти незаметны.

В этот раз страх напал на нее без предупреждения. Обыкновенно бывало не так: ее предупреждали всплывающие в голове образы. Руки, поднятые для удара. Иногда кровь и изуродованные тела. Иногда неожиданные воспоминания и давным-давно отзвучавший хохот. Обещания, которые потом были нарушены. Но на этот раз голоса не успели ее предупредить.

Ее затрясло, внизу живота возникли судороги. За этим неизменно следовали тошнота и слезы. Она уже пробовала раньше заливать вспыхнувший пожар спиртом, но от этого становилось только хуже. В такие мгновения она с нетерпением ожидала наступления темноты, но ожидание длилось часами.

Когда в голове все прояснится, она встанет. Пойдет на станцию «Дюббёльсбро». Спустится на эскалаторе на третий перрон и, пройдя в самый конец, будет ждать, когда промчится

электричка, идущая без остановок. Протянув руки, она подойдет к самому краю перрона и произнесет:

– Вам не уйти, скоты!

Затем поступит так, как прикажут ей голоса.

8

Едва войдя, Карл сразу увидел посреди стола пластиковую папку.

«Какого черта!» – подумал он и кликнул Асада.

– Это еще откуда взялось! – Когда помощник появился на пороге, Карл показал на пластиковую папку. – Ты знаешь?

– Трогать не будем. – Асад помотал головой. – Тут могут быть отпечатки.

В кармашек была засунута записка; оба детектива пристально воззрились на нее. При помощи лазерного принтера на листе было напечатано: «Нападения банды учащихся частной школы-пансиона».

Это был список ряда разбойных нападений с указанием времени, места и имен пострадавших. Похоже было, что инциденты происходили на протяжении длительного периода. Молодой человек на пляже в Ньюборге, двое мальчиков-близнецов на площадке для боулинга, среди бела дня; супружеская пара на острове Лангеланн – всего не меньше двух десятков эпизодов.

– Сейчас, Асад, мы в первую очередь займемся выяснением того, кто нам подкладывает эти вещи. Позвони, чтобы позвать техников. Если в управлении найдется хотя бы один, он без труда обнаружит отпечатки пальцев.

– С меня отпечатков не снимали, – произнес Асад почти разочарованным тоном.

Карл покачал головой. Интересно почему? Что-то уж больно много странного набиралось вокруг устройства на работу этого сотрудника!

– Асад, отыщи адрес матери убитых. В последние годы она несколько раз переезжала и сейчас, вероятно, проживает не в Тисвилле, как значится в регистре населения, так что подойди к этому вопросу творчески. Хорошо? Обзвони ее соседей, номера телефонов записаны там. – Карл махнул на кучу бумажек, вываленных из кармана. – Может быть, они что-то знают.

Затем он взял блокнот и составил список ближайших задач. Появилось знакомое ощущение, которое означало, что начато следствие по новому делу.

– Карл, послушай! Перестань-ка ты тратить время на дело, по которому уже вынесен приговор! – Начальник отдела по расследованию убийств Маркус Якобсен продолжал копаться в раскиданных по столу бумагах.

За неделю – целых четыре сложных дела! Да плюс три заявления об отпуске и два больничных! Один из заболевших наверняка выбыл надолго. Карл знал, о чем сейчас думает начальник: кого с какого дела придется снять. Но это уж, слава богу, его проблемы!

– Подумай лучше о гостях из Норвегии. Там все слышали о деле Мереты Люнгор, и их интересует, как ты выстраиваешь свою работу и как определяешь приоритетность задач. У них, кажется, у самих скопилось много старых дел, с которыми они хотели бы наконец разобраться. Если бы ты навел порядок в своих бумагах и заодно показал им пример скрупулезной датской работы, это помогло бы им в дальнейшей беседе с министром – они пойдут к ней на прием сразу от тебя.

Карл понурил голову. Так, значит, побывав у него, эти гости потом отправятся поболтать за чашечкой кофе с министром юстиции! С ней и без того трудно о чем-то договориться, а они еще насплетничают ей о его отделе! Этого еще не хватало!

– Маркус, вот я и хочу навести порядок в своих бумагах. А для этого мне необходимо выяснить, кто подсовывает дела на мой стол. Иначе я никогда не разберусь с приоритетностью задач и мне будет нечего продемонстрировать норвежцам и министру. Как я могу управлять работой, если дела прилетают сами собой, будто осенние листья?

– Да, да, Карл! Конечно же, это тебе решать. Но если ты возьмешься за дело с этими двоими, то, пожалуйста, не рассчитывай на наше содействие. У нас не хватает сотрудников даже для дел, по которым еще только предстоит найти виновных.

– Будь спокоен. – Карл встал, собираясь уйти.

Маркус наклонился к переговорному устройству:

– Лиза, загляни на секундочку. Нигде не могу найти свой ежедневник.

Карл посмотрел себе под ноги. Ежедневник шефа лежал на полу, просто свалившись со стола. Карл незаметно подтолкнул его носком башмака, чтобы книжка окончательно скрылась под тумбочкой. Может быть, тогда никто не узнает, когда у него планировалась встреча с норвежцами!

Когда Лиза проходила мимо, он бросил на нее дружеский взгляд. В прежнем образе она нравилась ему больше, но все-таки Лиза остается Лизой с любым цветом волос.

«С нетерпением жду, когда мне можно будет перейти в ваш отдел», – просигналили ему из-за барьера ямочки на щеках Розы Кнудсен, глубокие, как Марианская впадина.

Карл не смог ответить ей тем же. Тем более что у него вообще не было ямочек на щеках.

В подвале его встретил Асад, полностью готовый к работе: уже совершивший слепопуденную молитву, в куртке-ветровке и с кожаной папкой под мышкой.

– Мать убитых близнецов живет сейчас в Роскилле у старой подруги, – сообщил он. – Если поторопиться, туда можно доехать за полчаса. Но, кроме того, только что позвонили из Хорнбэка. Там неважные новости.

Карлу тотчас же представилось парализованное тело долговязого Харди, вытянувшегося на кровати – лицом к Эресунну, а там множество парусников, что вышли в море, торопясь использовать последние деньки перед закрытием сезона.

– Что там случилось? – с недобрый предчувствием спросил Карл.

Прошел уже месяц с тех пор, как он последний раз навещал старого товарища.

– Они сказали, что он очень часто плачет. Несмотря на таблетки и всякое такое, все равно плачет.

Садовый домик в конце Фасанвей ничем не выделялся среди остальных. Надпись на медной табличке гласила: «Арнольд и Иветта Ларсен», под ней на картонке печатными буквами значилось «Марта Йоргенсен».

На пороге их встретила хрупкая очаровательная старушка, при виде которой растроганный Карл невольно расплылся в улыбке.

– Да, Марта живет у меня. Она переехала сюда после смерти ее мужа. Должна вам сказать, сегодня она неважно себя чувствует, – шепотом предупредила старушка, когда он вошел в коридор. – Доктор говорит, что у нее сейчас обострение.

Из комнаты в прихожую доносился кашель. Больная сидела в кресле у окна, заставленного горшками с пожухлыми комнатными растениями. Перед ней стояла целая батарея пузырьков с лекарствами, и вошедших она встретила настороженным взглядом запавших глаз.

– Кто вы такие? – спросила она, дрожащей рукой стряхивая пепел с тонкой сигары.

Асад моментально сориентировался. Подойдя, он безошибочно нашел среди груды выцветших шерстяных пледов руку Марты, взяв ее в свою и произнес:

– Скажу только одно: то же самое было с моей матерью. Я понимаю, как вам нелегко.

Мать Карла на месте этой женщины сразу бы отдернула руку, но Марта Йоргенсен этого не сделала. «И откуда Асад это знает?» – подумал Карл, стараясь сообразить, какую роль в этом сценарии следует исполнять ему.

– До прихода сиделки мы как раз успеем выпить по чашечке чая, – с радушной улыбкой предложила Иветта.

Слушая объяснения Асада по поводу их визита, Марта всплакнула. Гости успели дожидаться чая и откусать печенья, прежде чем она справилась с собой настолько, что смогла говорить.

– Мой муж был полицейским, – произнесла она наконец.

– Да, фру Йоргенсен. Это мы знаем, – впервые подал голос Карл.

– Я получила копии дела от одного из его бывших сослуживцев.

– Вот как? От Класа Томасена?

– Нет, не от него. – Женщина закашлялась и глубоко затянулась сигарой, чтобы подавить приступ. – Мне передал их другой. Его звали Арне, но его уже нет в живых. Он собрал все документы, получилась целая папка.

– Вы дадите нам ее посмотреть, фру Йоргенсен?

Она схватилась за голову почти прозрачной рукой. Губы ее дрожали.

– Нет, дать ее вам я не могу. У меня ее больше нет. – Женщина умолкла и закрыла глаза. Очевидно, ее мучила головная боль. – Я не помню, кто брал ее у меня в последний раз. Ее просматривали несколько человек.

– Это не она? – Карл показал светло-зеленую папку.

– Нет, та была больше. – Марта покачала головой. – Серая и гораздо толще этой. В одной руке не удержишь.

– Может быть, есть какие-то другие материалы? Что-нибудь, чем вы могли бы с нами поделиться?

– Иветта, как по-твоему, им можно сказать? – Она кинула взгляд на подругу.

– Не знаю, стоит ли. Думаешь, надо?

Больная перевела взгляд на двойной портрет, стоявший на подоконнике между кувшином с водой и статуэткой Франциска Ассизского:

– Иветта, взгляни на них! Ну кому они навредили? – В голубых, глубоко посаженных глазах проступили слезы. – Мои детки! Неужели мы даже этого не можем для них сделать?

Иветта поставила на стол коробочку шоколада.

– Наверное, можем, – сказала она со вздохом и направилась в угол.

Там громоздились свертки старой бумаги от рождественских подарков и других упаковочных материалов как напоминание о былых временах, когда во многом ощущалась постоянная нехватка. Оттуда Иветта вытащила коробку фирмы «Петер Хан».

– В последние десять лет мы с Мартой дополняли папку с документами следствия вырезками из газет. Ведь с тех пор, как умер мой муж, мы с ней остались одни и больше у нас никого не было.

Асад взял у нее коробку и поднял крышку.

– Здесь есть несколько газетных вырезок о нападениях, по поводу которых так ничего и не было выяснено. А также вырезки о фазанобойцах.

– Фазанобойцах? – удивился Карл.

– Ну да! А как еще назвать таких людей?

Иветта порылась в коробке и вытащила на свет образчик, иллюстрирующий эти слова. Действительно, слово «фазанобойцы» к ним вполне подходило. На большой фотографии из еженедельника все они красовались вместе: парочка представителей королевского окружения, разношерстные буржуазные типчики, а также Ульрик Дюббёль-Йенсен, Дитлев Прам и Торстен Флорин. В победоносных позах: у каждого зажато под мышкой ружье, переломленным стволом книзу, нога выставлена вперед, а на земле рядами разложены убитые фазаны и куропатки.

– Ого! – сказал Асад.

Что еще можно было к этому добавить!

Они заметили, что Марта Йоргенсен зашевелилась, но не догадывались, во что это может вылиться.

– Я этого не потерплю! – неожиданно воскликнула она. – Чтоб им всем сгинуть! Они убили моих детей и мужа. Будь они прокляты!

Она попыталась подняться, но не удержалась на ногах и повалилась головой вперед; сильно стукнулась лбом о край стола, однако словно не заметила ушиба.

– Смерть им! Пускай они тоже умрут! – прохрипела она, не поднимая головы от стола, и взмахнула руками, разбрасывая чашки.

– Тише, Марта! – стала успокаивать ее Иветта, пытаясь усадить задыхающуюся подругу обратно в кресло.

Когда больная наконец успокоилась, отдышалась и опять принялась за свою сигару, Иветта увела посетителей в соседнюю комнату, столовую. Она попросила извинения за поведение своей подруги и объяснила, что в этом виновата опухоль мозга, которая так увеличилась, что теперь уже невозможно предсказать реакцию Марты на то или иное событие. Раньше, мол, она такой не была.

Гостям и не требовалось никаких извинений.

– Однажды приходил какой-то мужчина. Он сказал Марте, что хорошо знал Лисбет. – Иветта приподняла вылезшие брови. – Это покойная дочь Марты, а мальчика звали Сёрен. Вы ведь и сами знаете? – Асад и Карл кивнули. – Может быть, папку взял тогда этот друг Лисбет. Он пообещал Марте, что вернется и принесет папку. – Иветта бросила на обоих такой печальный взгляд, что им сразу захотелось обнять ее за плечи и утешить. – Наверное, придет, когда уже будет поздно.

– А как его звали, этого человека? – спросил Асад.

– К сожалению, не знаю. Меня не было дома, когда он приходил, а Марта все забывает.

– Вы не знаете, может быть, он был полицейским? – спросил Карл.

– Мне так не кажется, но точно сказать не могу.

– А почему он вот это не забрал? – Асад указал на коробку с надписью «Петер Хан», которую держал под мышкой.

– Но это же просто бумажки, которые Марта зачем-то вздумала собирать. Кстати, уже после того, как тот человек признался в убийствах. Я помогала ей собирать вырезки, раз ей так нравилось. Вероятно, тот, кто приходил, посчитал их не важными. Да так оно и есть на самом деле.

Напоследок они спросили у Иветты о ключе от летнего домика и о том времени, когда произошло убийство. Но об этом Иветта сказала только, что с тех пор, во-первых, прошло уже двадцать лет, да к тому же и вспоминать о таком событии не очень-то приятно, так что она постаралась поскорее все это забыть.

Затем пришла сиделка, и они распрощались.

На прикроватном столике у Харди стояла фотография его сына – единственная вещь, напоминавшая, что у этого неподвижного тела с резиновой трубкой для отвода мочи и сальными, свалившимися волосами когда-то в жизни было не только то, что могли ему дать аппарат искусственного дыхания, постоянно работающий телевизор и хлопчущая сиделка.

– Долго же ты сюда собирался, – произнес больной, устремив взгляд на воображаемую точку, находящуюся на высоте примерно в тысячу метров над хорнбэкской клиникой спинномозговых травм. С этой высоты открывается настолько широкий обзор, что если однажды рхнуть оттуда всей своей тяжестью, то можно больше не проснуться.

Карл попробовал найти подходящую отговорку, но бросил эти попытки. Вместо ответа он взял фотографию в рамочке и сказал:

– Я слышал, Мадс поступает в университет.

– И от кого же ты это слышал? Мою жену, что ли, трахаешь? – ответил Харди, даже не сморгнув.

– Харди, что ты несешь? Я знаю, потому что... Ну, не помню, в полицейском управлении кто-то говорил.

– А куда подевался твой маленький сириец? Никак его вышвырнули назад в песчаные барханы?

Карл хорошо знал Харди. Все это была светская болтовня.

– Ну ладно! Коли теперь уж я тут, скажи, что у тебя на уме. Впредь я буду приходить почаще, – пообещал Карл. – У меня был отпуск, ты же понимаешь.

– Видишь на столике ножницы?

– Вижу.

– Они всегда там лежат. Сестры режут ими бинты и клейкую ленту, которой прикрепляются мои зонды и иглы. С виду они вроде бы острые, как тебе кажется?

Карл посмотрел на ножницы:

– Да, довольно острые.

– Не мог бы ты взять их и воткнуть мне в шейную артерию? Я был бы очень тебе благодарен! – На лице Харди промелькнула усмешка. – В одном плече у меня вроде бы что-то дрожит. Кажется, это под самой плечевой мышцей.

Карл наморщил лоб. Значит, Харди показалось, будто там что-то дрожит. Бедняга! Хорошо бы, если так!

– Почесать тебе там?

Карл отвернул угол одеяла и подумал, надо ли спустить пониже рукав или почесать через ткань.

– Черт возьми, бестолковая ты башка! Не слышишь, что ли, что я сказал? Там дрожит. Ты что-нибудь видишь?

Карл сдвинул рубашку. В прежние времена Харди всегда следил за тем, чтобы выглядеть привлекательным, ухоженным и загорелым. Сейчас его кожа, сквозь которую проступали голубые жилки, была белой, как творог.

Карл прикоснулся к его руке выше локтя. Там не осталось ни одного мускула, на ощупь рука напоминала хорошо отбитый кусок мяса. Никакого дрожания он не почувствовал.

– Я ощущаю твое прикосновение очень слабо, в одной крошечной точке. Возьми ножницы и потыкай в разных местах. Не слишком быстро, и я скажу тебе, где почувствую.

Бедный Харди, парализованный от шеи и до ступней! Немножко чувствительности в одном плече, и все. А прочее – игра воображения отчаявшегося человека.

Однако Карл потыкал ножницами, как велел Харди. Систематически прошелся от середины плеча вверх по всей окружности. Когда он добрался сзади почти до самой подмышки, Харди взволнованно задышал:

– Карл, вот здесь. Достань шариковую ручку и пометь это место точкой.

Карл и это выполнил. Как не сделать, если друг просит!

– Повтори все еще раз. Попробуй меня обмануть, а я скажу тебе, когда ты попадешь в отметину. Я буду лежать с закрытыми глазами.

Когда Карл дошел до сделанной отметины, Харди не то хохотнул, не то застонал.

– Тут! – воскликнул он.

Карл не поверил; его пробрал озноб.

– Сиделке об этом ни слова! – предупредил Харди.

– Но почему? – Карл нахмурился. – Ведь это же просто чудо! Хоть какая-то надежда! Может, им это как-то пригодится, они будут знать, на что ориентироваться.

– Я поработаю над тем, чтобы увеличить это поле. Хочу вернуть хотя бы одну руку, понимаешь? – Тут Харди впервые за все время взглянул на прежнего сослуживца. – А для чего я воспользуюсь этой рукой, уже никого не касается. Ясно?

Карл кивнул. Он согласился бы с чем угодно, лишь бы поддержать дух Харди и отвлечь от мысли о том, чтобы кто-нибудь взял ножницы и воткнул ему в шею.

Под вопросом было только одно: появилась ли эта чувствительная точка возле плеча только недавно, или она и всегда там была? Но об этом стоит помолчать: в положении Харди даже ложная надежда лучше, чем ничего.

Карл поправил ему рубашку и закрыл одеялом до подбородка, а потом спросил:

– К тебе по-прежнему ходит та женщина-психолог?

Перед его мысленным взором предстало обольстительное тело Моны Ибсен – как бальзам на душу.

– Да.

– И о чем же вы разговариваете? – спросил Карл, надеясь, что в этих разговорах мелькает его имя.

– Она все топчется вокруг эпизода с перестрелкой на Амагере. Все копается в этом деле со строгим пистолетом. Не знаю, зачем ей это.

– Наверное, для нее в этом что-то есть.

– Знаешь что, Карл...

– Не знаю.

– Она добилась того, что я стал над этим задумываться, хоть и против воли. Ну какой в этом прок, кажется мне, но в то же время ведь в этом и заключается весь вопрос.

– Что ты имеешь в виду?

Харди посмотрел Карлу прямо в глаза – именно так они глядели на подозреваемого при перекрестном допросе. Этот взгляд не выражал ни подозрительности, ни доверия, он просто вселял тревогу.

– Мы ведь тогда с тобой и с Анкером прибыли в садовый домик через восемь-десять дней после убийства хозяина, так?

– Да, так.

– У убийц было сколько угодно времени, чтобы уничтожить все следы. Более чем достаточно. Так почему же они этого не сделали раньше? Почему выжидали? Они же могли просто сжечь все, к чертям собачьим. Убрать труп и пожечь все лишнее.

– Да, в этом действительно есть что-то странное. Я и сам удивлялся.

– Но почему же они вернулись в дом как раз тогда, когда мы там были?

– Да, и это тоже непонятно.

– А я уже перестал удивляться. Сначала удивлялся, а теперь нет.

Харди попытался прокашляться, но не смог.

– Может быть, Анкер сумел бы об этом что-то рассказать, если бы остался жив, – произнес он в конце концов.

– Что ты хочешь сказать?

Сам Карл уже несколько недель перестал вспоминать об Анкере. Не прошло и десяти месяцев с тех пор, как их суперколлега был застрелен у них на глазах в старой развалюхе, и вот он уже исчез из памяти, словно и не было! Бог весть сколько будут вспоминать самого Карла, если с ним случится то же.

– Карл, кто-то ждал нас возле того дома, иначе все случившееся никак не объяснишь. Я хочу сказать, что это было не обычное расследование. Один из нас был в этом замешан, причем точно не я. Может быть, это был ты, Карл?

9

Перед желтым фасадом ресторана «Транекер кро» собралось шесть внедорожников. Дитлев высунулся из окна автомобиля и дал знак следовать за ним.

Когда они подъехали к лесу, солнце еще не поднялось, а загонщики уже скрылись за охотничьим заказником. Люди в машинах были знакомы со здешними порядками и спустя несколько минут выстроились перед Дитлевым – все в застегнутых куртках, держа ружья незакрытыми стволами вниз.

Последним, как всегда, присоединился Торстен Флорин. Сегодня он блистал бриджами в мелкую клетку и облегающей охотничьей курткой – хоть сейчас на бал.

Дитлев неодобрительно проследил за тем, как из багажника высаживали легавую, и только потом обвел глазами всех присутствующих. По крайней мере одного из собравшихся лично он не приглашал.

– Кто ее пригласил? – спросил он шепотом, потянув за рукав Бента Крума.

Будучи адвокатом Дитлева Прама, Торстена Флорина и Ульрика Дюббёль-Йенсена, Бент Крум координировал приготовления к охоте. Благодаря своим разносторонним дарованиям он не раз выручал их и теперь оказался в полной зависимости от более чем щедрого вознаграждения, которое они переводили на его счет каждый месяц.

– Твоя жена, – шепнул в ответ Бент Крум. – Она решила, что Лиссан Йорт вполне может поехать на охоту вместе с мужем, тем более что и стреляет она лучше его.

Лучше стреляет? Какое это, черт возьми, имеет значение! На охотах, которые устраивал Дитлев, никогда не было никаких женщин, и для этого имелись свои причины, о чем Круму было прекрасно известно. Чтоб ее, эту Тельму!

Дитлев взял Йорта за плечо.

– Мне очень жаль, старина, но сегодня мы не можем взять с собой твою жену. Отдай ей ключи от машины, – велел он, хотя понимал, что здесь не обойдется без проблем. – Пускай она едет в ресторан. Я могу туда позвонить и сказать, чтобы они открылись. И пусть она забрет с собой вашу необученную собаку. Сам знаешь, сегодня у нас охота нагоном, это нечто особенное.

Отсылкой собаки некоторые были недовольны – придурки из якобы старинных семей, хотя на самом деле ни у кого из них не было даже приличного состояния. Как будто их кто-то спрашивал! Впрочем, может быть, они и не знают эту несчастную легавую.

– Никаких женщин! – повторил Дитлев. – Поезжай отсюда, Лиссан!

Раздавая всем оранжевые платки, он пропустил Лиссан и только буркнул, не глядя на нее:

– Не забудь забрать псину.

Не хватало еще, чтобы тут кто-то другой наводил свои порядки! Ведь это не обычная охота.

– Если ты не допускаешь мою жену, я тоже отказываюсь, – попробовал было протестовать Йорт.

Жалкий тип в потертой курточке! Неужели он до сих пор еще не понял, что значит перечить Дитлеву Праму? Разве это пошло на пользу его фирме? Разве он не оказался на краю банкротства, когда Дитлев передал свои заказы на покупку гранита в Китай? Или он добивается, чтобы Дитлев его еще раз наказал? Сам напрашивается!

– Твое дело, поступай как знаешь.

Дитлев повернулся к Йортам спиной и посмотрел на остальных:

– Вы знаете правила. О том, что вы увидите сегодня, никто другой не должен знать. Это понятно?

Все закивали. Ничего другого Дитлев и не ожидал.

– Мы выпустили двести фазанов и куропаток, петушков и курочек. Так что дичи хватит на всех. – Он ухмыльнулся. – Для курочек сезон еще не настал, но кому какое дело?

Он посмотрел на членов местного охотничьего общества. Эти будут держать язык за зубами. Все тут либо работали на него, либо были так или иначе связаны с ним деловыми отношениями.

– Впрочем, что говорить о птице – птиц вы в любом случае настреляете. Гораздо интереснее другая добыча, которую я сегодня для вас припас. Что это будет, я не стану говорить заранее. Сами потом увидите.

Обернувшись к Ульрику, Дитлев взял у того из рук горстку соломинок. Все лица повернулись к нему, все глаза с напряженным вниманием следили за каждым его движением.

– Большинству из вас уже знакома обычная процедура: двое вытянут соломинки, которые будут короче других. Счастливчики оставляют дробовики и получают взамен карабины, заряженные патронами. Им не достанется куропаток, зато они могут рассчитывать на особенную добычу. Все готовы?

Несколько человек побросали на землю сигары и затоптали их. Всяк по-своему выражал свою готовность начать охоту.

Дитлев усмехнулся. Это те, кто относится к властям предержащим, и здесь они показывают себя во всей красе: ни с кем не считаясь и действуя по принципу «своя рубашка ближе к телу».

– Кстати, обыкновенно охотники с карабинами делят добычу между собой, – добавил Дитлев. – Но решение принимает тот, кто ее подстрелил. Все мы знаем, что случится, если зверя уложит Ульрик.

Все присутствующие, кроме Ульрика, расхохотались. Все отлично знали, что Ульрик никогда не делится добычей – будь то портфель акций, женщина или подстреленный кабан.

Дитлев нагнулся и поднял два футляра с карабинами.

– Вот смотрите, – сказал он, вынимая оружие. – Я отправил наши старые «зауэры» обратно в охотничий домик, чтобы испытать эти две чудесные штучки.

Он поднял над головой один из новеньких карабинов «зауэр эlegant».

– Они уже пристреляны, держать их в руке одно удовольствие! Берите и наслаждайтесь!

Не обращая внимания на реплики, которыми обменивались возмущенные Йорты, Дитлев протянул гостям зажатые в руке соломинки и вручил карабины двум счастливчикам, которым они достались по жребию.

Одним из них оказался Торстен. У него был взволнованный вид, но вряд ли от мыслей об охоте. Надо будет потом с ним об этом поговорить.

– Торстену это уж знакомо, но для Саксенхольта все удовольствие еще впереди, так что пожелаем им удачи! – Дитлев кивнул молодому человеку и поприветствовал его, как и всех остальных, приподняв свою карманную фляжку. Пижонский платочек на шее, прилизанные волосы – типичный ученик элитной школы и таким останется до конца своих дней! – Вы оба, единственные из всех, будете стрелять по главной дичи, поэтому отвечаете за то, чтобы все прошло как следует. Не забывайте, что вы должны стрелять, пока добыча не перестанет двигаться. Помните также, что тот, кто уложит добычу, получает право на главный сегодняшний приз.

Отступив на шаг, он достал из внутреннего кармана конверт:

– Здесь лежит купчая на превосходную трехкомнатную квартиру в Берлине с видом на посадочные полосы аэропорта Тегель. Но не волнуйтесь! Аэропорт скоро закроется, а перед самыми окнами у вас будут причалы для яхт.

Вокруг раздались аплодисменты, и Дитлев с улыбкой раскланялся. Пропавшая пропадом, эта квартира, из-за которой жена полгода его терзала, а когда выпросила, так и не сподо-

билась в ней побывать! Хотя бы со своим поганым любовничком съездила, и то нет! Так что долой эту дрянь!

– Дитлев, моя жена уезжает, но собаку я беру с собой, – услышал он у себя за спиной, а обернувшись, увидел набычившегося Йорта.

Было сразу видно, что тот решил торговаться, чтобы окончательно не потерять лицо.

Оглянувшись через плечо, Дитлев поймал молниеносный взгляд Торстена. Никто не смеет перечить Дитлеву Праму! Раз он сказал, что нельзя брать с собой собаку, то пускай ослушавшийся пеняет на себя!

– Коли уж ты настаиваешь, то будь по-твоему, – произнес Дитлев, старательно отводя взгляд от его жены.

Не будет он цапаться с чужой бабой. Это дело касается только его и Тельмы.

В подлеске стоял запах прелой земли, но развеялся, когда они вышли на поляну. В пятидесяти метрах, в ложбине, располагалась окутанная туманом рощица, за ней прогалина, заросшая кустами, а за ней лес, который раскинулся внизу, как море. Это было великолепное зрелище.

– Растянитесь цепью, – скомандовал Дитлев.

Все разошлись на расстояние семи-восьми метров друг от друга, и он удовлетворенно кивнул.

Шум, который поднимали загонщики, доносился пока довольно слабо. Лишь некоторые из выпущенных фазанов поднимались в воздух и тут же, вспорхнув, опускались в кустарник. Дитлев ощущал нетерпеливое ожидание кравшихся рядом с ним охотников: благодаря этим вылазкам на рассвете многие из них стали прямо-таки адреналиновыми наркоманами. Они огребали миллионы, но только эти смертоубийственные развлечения давали им ощущение полнокровной жизни.

С одной стороны от Дитлева шагал молодой Саксенхольт. Он был бледен от возбуждения, как и его отец, когда впервые принимал участие в охоте. Новичок двигался крадучись, устремив пристальный взгляд на собаку, и на рощицу впереди, и на опушку леса, до которой было несколько сотен метров. Ни на минуту не забывал, что меткий выстрел принесет ему награду – любовное гнездышко вдали от родительского надзора.

Дитлев вскинул руку, и все замерли. Пес Йорта от возбуждения повизгивал и вертелся на месте, а балбес-хозяин, как ни старался, не мог его утихомирить. Все происходило так, как и следовало ожидать.

И тут перед носом собаки взлетели первые птицы. Грянули выстрелы, и послышалось, как шлепаются на землю тушки. Собака Йорта окончательно вышла из-под контроля. Раздалась команда «апорт», и она с высунутым языком ринулась вперед. В тот же миг одновременно взлетели сотни птиц, и охотники словно взбесились: выстрелы, отдававшиеся эхом от лесных зарослей, слились в оглушительный грохот.

Именно это больше всего любил Дитлев – нескончаемые выстрелы. Нескончаемые убийства. Вспархивающие в небо пятнышки, создающие оргию красок. Медленное падение птичьих тел. Суетливые движения охотников, рьяно перезаряжающих ружья. Саксенхольт был в отчаянии – без дробовика он не мог принять участие в стрельбе, его взгляд лихорадочно метался между рощей и лесной опушкой, над кустарником. Откуда придет его добыча? И чем больше кровавый азарт овладевал остальными, тем сильнее его рука сжимала карабин.

Но вот собака Йорта вцепилась в глотку другому охотничьему псу. Тот отпустил добычу и с визгом отскочил. И один только Йорт этого не заметил: он заряжал ружье и стрелял, заряжал и стрелял, как автомат.

Когда легавая Йорта в третий раз прибежала с добычей и снова стала кусаться, набрасываясь на других собак, Дитлев кивнул Торстену, который и сам уже следил за ней. Живые

инстинкты и крепкие мускулы при полном отсутствии выучки – плохие свойства для охотничьей собаки!

Дальше все вышло так, как и предвидел Дитлев. Остальные собаки обманули легавую и не подпустили больше к падающим на опушку птицам. Собака Йорта помчалась на поиски новой добычи и скрылась в лесу.

– Теперь смотрите внимательно! – крикнул Дитлев двум стрелкам с карабинами. – Не забудьте, ставкой в игре служит полностью готовая квартира в Берлине! – Он рассмеялся и выстрелил из обоих стволов по новой стайке, поднявшейся с территории заказника. – Лучший охотник получает все!

В этот момент собака Йорта уже выбегала из темного подлеска с новой птицей в зубах. Грянул одиночный выстрел Торстенова карабина, и пуля попала в собаку. Кроме Дитлева и Торстена, никто, казалось, не понял, что с ней случилось. Только Саксенхольт шумно вздохнул, и вся компания дружно расхохоталась – не исключая и Йорта, решившего, что выстрел ушел «в молоко».

Ничего, скоро Йорт обнаружит своего пса с простреленным черепом – хохот прекратится, а хозяин, надо надеяться, усвоит полученный урок. Ведь Дитлев Прам сказал, чтобы никто не приводил на охоту плохо натасканных собак!

Из лощины за рощей послышались новые звуки. Дитлев краем глаза отметил, как Крум покачал головой, значит их адвокат видел, что Торстен застрелил собаку.

– Стрелять только при полной уверенности. Понятно? – тихо сказал Дитлев своим соседям по цепочке. – Загонщики покрывают не все пространство за рощей, так что, я думаю, зверь появится оттуда. – Он указал на пышно разросшиеся кусты можжевельника. – Цельтесь старательно. Если промахнетесь, пуля уйдет в землю.

– Что это? – прошептал Саксенхольт, кивая на группу деревьев.

Там вдруг затрепетали ветви, послышался треск сучьев под ногами бегущего зверя – сперва тихий, затем все громче и громче. Крики приближающихся загонщиков зазвучали пронзительней.

И вот он выскочил.

Выстрелы Саксенхольта и Торстена грянули одновременно, темный силуэт пошатнулся, но продолжал двигаться вперед странными скачками. Только когда он выскочил на открытое место, стало видно, что это за существо. Охотники разразились восхищенными воплями, а Саксенхольт и Торстен снова приготовились стрелять.

– Стоп! – крикнул Дитлев, когда страус остановился метрах в ста и начал бестолково вертеться. – На этот раз цельтесь в голову. Стрелять по очереди. Саксенхольт, ты первый.

Все замерли; молодой охотник поднял карабин и, затаив дыхание, спустил курок. Выстрел пришелся ниже, чем нужно, – пуля разорвала страусу шею, и голова откинулась назад. Толпа заревела от восторга, не удержался даже Торстен – хотя на что ему-то трехкомнатная квартира в Берлине?

Дитлев заулыбался. Он ожидал, что птица рухнет на землю, но с полуоторванной головой та еще пробежала несколько шагов, прежде чем ноги зацепились за неровности почвы и мертвое тело рухнуло. Мгновение оно подергалось в судорогах, затем распласталось на земле. Это было бесподобное зрелище!

– Заткнитесь! – простонал юнец под залпы, когда охотники принялись палить по следующей стайке фазанов. – Это же был страус! С ума сойти! Ну надо же: я, черт возьми, застрелил страуса! Значит, сегодня вечером у «Виктора» все телки будут мои! Я даже знаю, какую выберу!

В ресторане «Страндмёллекроен» все трое приговорили по «егермейстеру» за счет Дитлева. По Торстену было видно, что ему надо хлебнуть для храбрости.

– Что это с тобой? Ты прямо позеленел, – заговорил Ульрик, опрокинув залпом рюмку. – Никак не можешь пережить, что не тебе достался страус? Ты вроде бы уже настрелялся этих тварей.

– Дело в Кимми. – Торстен повертел в руке свой стакан. – Шутки кончились. Сейчас кто кого: либо мы ее, либо она нас.

И тоже выпил. Ульрик налил всем по новой и кивнул приятелям:

– Ольбек уже получил задание. Скоро она будет в наших руках, так что не нервничай.

Торстен достал из кармана спички и зажег стоявшую на столе стеариновую свечу. Он часто говорил, что нет более унылого зрелища, чем незажженная свеча.

– Надеюсь, ты не воображаешь, что Кимми глупая бродяжка, которая шляется по улицам в грязном тряпье и сама дастся в руки бестолковому частному детективу? Ульрик, ее так просто не поймашь! Мы ведь, черт возьми, говорим о Кимми, вы же сами ее знаете! Они ее не найдут, и в этом вся проблема. Нам это дорого обойдется, понимаете?

Дитлев отставил стакан и возвел глаза к грубым балкам потолка:

– Что ты хочешь этим сказать?

Он терпеть не мог, когда Торстен впадал в такое настроение.

– Вчера она несколько часов ждала в засаде перед Домом мод и набросилась на одну из наших моделей. На плитках осталось восемнадцать окурков. Кого она, по-твоему, поджидала?

– Что значит – набросилась? – озабоченно спросил Ульрик.

– Успокойся, все не так страшно. – Торстен мотнул головой. – Ну врезала ей разок. Я дал девушке недельный отпуск и парочку путевок на выходные в Кракове. Полицию не вызывали.

– Ты уверен, что это была Кимми?

– Да. Я показал девушке старую фотографию.

– Она точно ее узнала?

– Точно, – раздраженно бросил Торстен.

– Мы не можем допустить, чтобы Кимми схватила полиция!

– Конечно же нет, черт возьми! И не можем допустить, чтобы она добралась до кого-нибудь из нас. Я уверен, она способна на все.

– Думаете, у нее еще остались деньги?

В это время в зал вошел заспанный официант, но Дитлев кивнул ему:

– Нет, спасибо, у нас есть все, что нужно.

Они подождали, пока официант, раскланявшись, вновь не удалился.

– Ну какого черта ты спрашиваешь! Сколько ты тогда с нас собрал? Почти два миллиона, – с досадой напомнил Торстен. – Сколько, по-твоему, она тратит, живя на улице? Нисколько, а значит, у нее уж точно хватит денег, чтобы купить что угодно. Любое оружие. На улицах Копенгагена она раздобудет хоть гранатомет, уверяю тебя!

Толстяк заерзал на стуле:

– Может быть, стоило бы еще усилить группу Ольбека?

10

– Кого позвать? Ассистента криминальной полиции Хафеза Асада? – Карл воззрился на телефонную трубку. Давно ли Асад стал ассистентом криминальной полиции?

Карл переключил звонившего на другую трубку и через секунду услышал, как на столе у Асада ожил телефон.

– Да! – раздался в чуланчике голос сирийца.

Карл приподнял брови и покачал головой. Ишь ты – ассистент криминальной полиции! Что это он себе позволяет!

– Звонили из Хольбека и сказали, что они все утро искали папку с делом о двойном убийстве в Рёрвиге. – Асад поскреб заросшую щетиной щеку. Они с Карлом уже два дня сидели над папками, что объясняло его усталый вид. – И знаешь что? Папка просто исчезла. Ее точно ветром сдуло.

– Значит, будем считать, кто-то ее стащил. – Карл вздохнул. – И не был ли это тот самый Арне, который дал Марте Йоргенсен серую папку с протоколами расследования? Ты не спросил их, помнят ли они, какого цвета была папка? Может, серая?

Асад помотал головой.

– Ладно, это не имеет значения. Марта же сказала, что тот человек умер, с ним уже не поговоришь. – Карл прищурился. – И заодно я хочу выяснить еще одну вещь: Асад, скажи, пожалуйста, когда это тебя произвели в ассистенты криминальной полиции? На мой взгляд, тебе бы следовало быть осторожнее и не выдавать себя за полицейского. Есть статья закона, которая очень строго оценивает такой поступок. Статья сто тридцать один, если тебе интересно знать. Ты рискуешь схлопотать шесть месяцев тюремного заключения.

– Ассистент криминальной полиции?

Асад слегка откинул назад голову и затаил дыхание, схватившись рукой за грудь, словно удерживая заключенную в его сердце невинность, готовую излиться перед слушателем. Такого возмущенного выражения лица Карл давно не встречал. Его можно было сравнить только с реакцией премьер-министра на высказанные в прессе обвинения против датских солдат, которые якобы косвенно причастны к пыткам в Афганистане.

– У меня и в мыслях такого не было! Наоборот, я сказал, что я ассистент ассистента криминальной полиции. Люди часто не понимают того, что слышат, а потом путаются. – Асад развел руками. – Разве я виноват?

Час от часу не легче! Ассистент ассистента криминальной полиции! От таких шуточек немудрено нажать язву желудка!

– Мне кажется, было бы более корректно, если бы ты представлялся ассистентом вице-комиссара криминальной полиции или, еще точнее, ассистентом вице-комиссара полиции. Если тебе непременно нужен какой-то титул, я не против. Но только произноси его очень отчетливо. Понимаешь? А сейчас, если можно, спустись в транспортный отдел и приготовь к поездке нашу шикарную колыхагу! Мы едем в Рёрвиг.

За прошедшие годы домик, стоявший в окружении сосен, глубоко погрузился в песок. Сразу было видно, что со времени убийства здесь больше не жили. Тусклые стены, трухлявые балки – тоскливое зрелище.

Мимо летних домиков тянулись следы колес. Стоял конец сентября, и, разумеется, вокруг не было ни души.

Заслоняясь ладонями от света, Асад заглянул в самое большое окно, тщетно пытаясь разобрать, что делается внутри.

– Иди сюда! – позвал из-за дома Карл. – Ключ должен быть где-то здесь.

Запрокинув голову, он внимательно вглядывался в темноту под навесом крыши. Двадцать лет ключ провисел у всех на виду на ржавом гвоздике над кухонным окном, в точности так, как говорила Иветта, подруга Марты Йоргенсен. Да и кому бы он понадобился? Кто захотел бы войти в этот дом? Даже ворам, промышляющим после окончания летнего сезона, было ясно, что взять здесь нечего. Дом всем своим видом говорил, что в него не стоит и залезать.

Карл достал сверху ключ; старый замок открылся на удивление легко, и так же легко отворилась дверь.

Он просунул голову внутрь, и на него тотчас же пахнуло затхлостью. В спертom воздухе пахло промозглой и душной сыростью, как в стариковских спальнях.

Карл нащупал в узком коридорчике выключатель и убедился, что электричество отключено.

– Вот! – пришел на помощь Асад, сунув ему в лицо галогеновый фонарик.

– Убери, фонарь нам не понадобится.

Но помощник уже вступил в мертвое царство. Луч света выхватил покрашенные в скучные цвета лавки и голубые эмалированные кастрюльки. Здесь было не сплошь темно: солнечные лучи, проникавшие сквозь запыленные стекла, наполняли помещение слабым сероватым светом – как в ночной сцене из старого черно-белого фильма. Огромный камин, сложенный из крупных камней, широкие деревянные половицы, повсюду вдоль и поперек разложены шведские домотканые коврики. И прямо на полу по-прежнему лежит какая-то настольная игра.

– Все как написано в отчете. – Асад ткнул ботинком в коробку для игры.

Когда-то она была темно-синей, сейчас стала черной. Игральная доска испачкана, как и обе лежавшие на ней фишки, которые во время борьбы слегка сдвинулись со своих мест. Карл решил, что розовая фишка, вероятно, принадлежала сестре; судя по ее положению, в тот день девушка соображала лучше, чем брат, и набрала больше правильных ответов. Возможно, парень переборщил с коньяком: на это также указывал отчет патологоанатома.

– Это так и лежит здесь с восемьдесят седьмого года. Не думал, что эта игра уже тогда была.

– Возможно, до Сирии она добралась позднее. Неужели она и там продается?

Отметив мысленно, что Асад примолк, Карл кинул взгляд на две коробочки для карточек с вопросами. Перед обеими лежало по одной вынутой карточке. Следовательно, это должны быть последние вопросы, которые эта жизнь поставила перед братом и сестрой. Очень грустно, если подумать.

Карл обвел глазами пол. Следы убийства еще были отчетливо видны. На том месте, где обнаружили тело девушки, остались темные пятна. Совершенно очевидно, что это, как и пятно на игровой доске, были следы крови. Кое-где сохранились круги, которыми техники обвели отпечатки пальцев, но номера были стерты. Порошок, которым пользовались дактилоскописты, уже исчез, но это и понятно.

– Они ничего не нашли, – вслух подумал Карл.

– Что ты сказал?

– Они не нашли никаких отпечатков пальцев, кроме тех, которые принадлежали жертвам и их родителям. – Он снова перевел взгляд на игру. – Как странно, что все это лежит на том же месте. Мне казалось, что техники забрали игру для более подробного изучения.

– Верно! – Асад кивнул и стукнул себя по лбу. – Ты правильно говоришь, Карл. Теперь и я вспомнил. Игра была представлена в деле Бьярне Тёгерсена, так что они действительно ее тогда унесли.

Оба молча воззрились на доску. Ее здесь не должно было быть.

Карл нахмурился, вытащил мобильник и позвонил в полицейское управление.

– Нас ясно предупредили, Карл, что мы больше не должны работать по твоим запросам, – безрадостно ответила Лиза. – Ты вообще представляешь себе, как мы сейчас загружены?

Может быть, ты что-то слышал про полицейскую реформу? Если нет, могу тебе вкратце рассказать. А тут еще ты и Розу от нас забрал!

Пускай бы оставили себе, если хотят!

– Эй-эй, придержи немного! Это же я, Карл! Успокойся, пожалуйста, и послушай.

– У тебя теперь есть своя секретарша, вот она пусть на тебя и работает. Спроси ее! Подожди минутку!

Карл растерянно поглядел на мобильник в своей руке; из трубки послышался уже знакомый характерный голос, и он снова поднес ее к уху.

– Слушаю, шеф. Чем могу служить?

– Э-э... Кто это говорит? Роза Кнудсен?

Ее хрипловатый смех кого угодно мог наполнить тревогой за свое будущее.

Но делать нечего, и Карл попросил новую сотрудницу выяснить, нет ли где-нибудь среди предметов, относящихся к убийству в Рёрвиге, синей коробки с игрой «Тривиал персыют». Нет, где она может лежать, он не имеет ни малейшего представления. Да, о ее местонахождении возможны разные предположения. С чего начать поиски? Это уж ей самой решать. Главное, чтобы найти побыстрее.

– Кто это был? – поинтересовался Асад.

– Твоя конкурентка. Гляди в оба, как бы она не оттеснила тебя обратно к зеленым перчаткам и швабре!

Но Асад его уже не слышал – присев на корточки рядом с игровой доской, он разглядывал пятна крови.

– Карл, а тебя не удивило, что на доске так мало крови? Девушку же забили насмерть на этом самом месте! – Он указал на заляпанный коврик.

Карл мысленно представил себе снимки места преступления и лежащие на полу трупы.

– Да, – согласился он. – В этом ты прав.

При том, какие повреждения ей нанесли и сколько крови она потеряла, на игровой доске осталось удивительно мало следов. Вот черт! Как же они не догадались захватить с собой папку с делом, чтобы сравнить то, что здесь, с фотографиями места преступления!

– Я помню, что на этой доске было очень много крови. – Асад ткнул пальцем в середину игровой доски.

Карл опустил на корточки рядом с ним, осторожно подsunул палец под доску и приподнял. Так и есть! Она немного сдвинута. На полу под краем доски было видно несколько пятнышек крови. А уж это противоречит всем законам природы!

– Асад, это не та доска.

– Действительно не та.

Карл осторожно вернул доску на место и осмотрел коробку. На первый взгляд на ней были следы порошка, которым пользовались дактилоскописты, но ведь это могло быть что угодно – картофельная мука, свинцовые белила.

– Бог знает, кто положил тут доску, – заметил Асад. – Ты знаешь эту игру?

Ничего не ответив, Карл обвел глазами полки, подвешенные под потолком по всему периметру комнаты. Ему они живо напомнили те времена, когда всюду в ходу были сувениры вроде баварских пивных кружек с оловянными крышками и Эйфелевой башни из никеля. Здесь этого добра теснились сотни экземпляров: свидетельство того, что в доме обитала семья бывалых путешественников, изъездивших Европу на машине с жилым прицепом и хорошо знакомых с перевалом Бреннер⁵ и дикими лесами Гарца. Перед мысленным взором Карла встал образ отца, и он чуть было не расчувствовался до слез.

– Что ты там высматриваешь?

⁵ Бреннер – перевал в Альпах, расположенный между Австрией и Италией.

– Сам не знаю. – Карл покачал головой. – Но что-то подсказывает мне, надо глядеть во все глаза. Не мог бы ты открыть окна? Впустим побольше света.

Карл встал и еще раз принялся осматривать пол во всей комнате, нащупывая в нагрудном кармане пачку сигарет. Асад тем временем гремел оконными запорами.

Если не считать того, что трупы давно убрали, а игральную доску, наоборот, подложили, все прочее, кажется, осталось как было.

Карл закурил, и в тот же миг зазвонил мобильник. Это была Роза.

Игра по-прежнему на месте в архиве хольбекского отделения, сообщила она. Папка с делом исчезла, но игра там, где должна быть.

Оказывается, девушка не совсем безнадежна!

– Позвони еще раз, – сказал Карл, глубоко втягивая дым. – Спроси, как там с фишками и ломтиками.

– Какими ломтиками?

– Это треугольнички за правильные ответы, которые складывают в фишку. Их еще называют «ломтики торта». Спроси, какие ломтики лежат в обеих фишках. И все запиши, это важно. Неужто ты не знаешь игру «Тривиал персыют»?

– «Тривиал»? – Тут она снова усмехнулась своим зловещим смешком. – Сейчас, дедушка, это называется «Всезнайка»!

И на этом отключилась.

Да уж, вряд ли между ними сложатся добрые отношения!

Карл еще раз затянулся сигаретой, чтобы успокоить пульс. Интересно, не удастся ли как-нибудь обменять Розу на Лизу? Во всяком случае, та гораздо лучше украсила бы собой подвал, чем это удастся тетушкам Асада... И не важно, что у нее теперь панковская прическа!

Тут в его размышления вторгся треск ломающегося дерева и звон бьющегося стекла, за которыми последовало какое-то арабское высказывание Асада, явно не богословского характера. Зато эффект разбитое окно дало потрясающий: в комнату ворвался свет и озарил все углы паучьего царства. С потолка повсюду свисали гирлянды паутины, а все сувениры на длинных полках были покрыты таким толстым слоем пыли, что цвета стали неразличимы.

Карл и Асад припомнили события в том порядке, как они были описаны в полицейском отчете.

Под вечер кто-то проник в дом через открытую кухонную дверь и убил парня одним ударом молотка – молоток впоследствии был найден в нескольких сотнях метров от дома. Убитый, по-видимому, даже ничего не почувствовал: смерть была мгновенной, как отмечалось в полицейских отчетах. Он даже не успел выпустить из руки бутылку коньяка.

Девушка явно пыталась вскочить с пола, но нападавшие сразу накинлись и забили ее насмерть на том самом месте: на полу остались следы мозгового вещества, слюны, мочи и крови убитой.

Затем, согласно предположению, высказанному в отчете, убийцы стащили с тела парня плавки, чтобы поглумиться над ним. Плавки так и не были найдены, но следователи усомнились, что во время игры в «Тривиал» сестра была одета в бикини, а брат сидел голый. Инцестуальные отношения были здесь совершенно исключены: у обоих имелись возлюбленные и с личной жизнью все обстояло хорошо. Оба партнера жертв провели в домике ночь перед нападением, а утром уехали в Хольбек в школу. Но эти двое у следствия никаких подозрений не вызвали: они предъявили алиби и вдобавок были потрясены и подавлены известием об убийстве.

Тут снова позвонил телефон. Карл взглянул на номер на дисплее и опять сделал глубокую затяжку, стараясь запастись спокойствием.

– Да, Роза, – ответил он.

– Там очень удивились, когда я передала, что вы спрашиваете про ломтики торта.

– Ну и?

– Пришлось им этим заняться, раз надо.

– Ну и?

– В розовой фишке лежало четыре ломтика: желтый, розовый, зеленый и голубой.

Карл опустил взгляд на лежавшую перед ним доску: здесь то же самое.

– Голубая, желтая, зеленая и оранжевая фишки остались неиспользованными. Они находились в коробке вместе с прочими ломтиками. Эти фишки были пустые.

– Ну а коричневая?

– В коричневой фишке лежали коричневый и розовый ломтики. Запомнили?

Карл не ответил, молча глядя на пустую коричневую фишку на доске. Очень, очень странно.

– Спасибо, Роза, – наконец сказал он. – Прекрасная работа.

– Так что же? – спросил Асад. – Что она говорит?

– В коричневой фишке должны были лежать коричневый и розовый вкладыши. Но здесь она пустая.

Оба задумались, глядя на фишку.

– Ты считаешь, нам надо искать эти два недостающих вкладыша? – спросил Асад и, присев на пол, заглянул под дубовый шкаф рядом с доской.

Карл в очередной раз глубоко затянулся сигаретой. Зачем кому-то понадобилось положить сюда новую игру взамен настоящей? Совершенно очевидно, здесь что-то не сходится. И почему замок кухонной двери так легко открылся? Почему, в конце концов, кто-то принес к нему в подвал и подложил на стол это дело? Кто за всем этим стоит?

– Когда-то они тут праздновали Рождество. Холодно, наверное, было. – Асад вытащил из-под шкафа плетеное рождественское сердечко.

Карл кивнул. Едва ли в самую суровую зиму тут было холоднее, чем сейчас. Все здесь дышало прошлым, дышало бедой. Кто теперь помнит те времена? Старушка, которая скоро умрет от опухоли в мозгу, а больше и никто.

Он взглянул в сторону дверей в спальни. Вот там все они спали: отец, мать и дети. Карл поочередно заглянул в обе комнаты: как и ожидалось, там оказались кровати соснового дерева и тумбочки, покрытые клетчатыми салфетками. Комнату девочки украшали постеры поп-групп «Duran Duran» и «Wham», комнату мальчика – портрет Сьюзи Кватро, затянутой в кожаную одежду. В этих спальнях когда-то жило будущее, которое казалось светлым и долгим. А здесь, в гостиной, его жестоко и грубо отняли. Ось, вокруг которой вращалась эта жизнь, находится именно здесь, где он сейчас стоит. На границе между тем, на что человек надеялся, и тем, что на самом деле получил.

– Карл, в кухонных шкафах еще есть спиртное, – крикнул Асад из кухни.

Значит, воры сюда не забирались.

Глядя на дом снаружи, Карл испытывал какое-то тревожное чувство. Занимаясь этим делом, он словно пытался собрать разлитую ртуть – ядовитое вещество, которое опасно трогать и невозможно ухватить рукой. Что-то ускользающее и одновременно несущее вполне конкретную опасность. Столько лет уже прошло с тех пор, как это случилось! Человек сам пришел с повинной. Попавшая под подозрение группа выпускников элитной школы по-прежнему прекрасно себя чувствует.

«За что тут можно уцепиться? И зачем вообще этим заниматься?» – спрашивал он себя.

– Сдается мне, надо бросать это дело, – заявил Карл, обернувшись к своему товарищу. – Хватит, поехали домой!

После чего ткнул носком сапога в травянистую кочку и достал автомобильные ключи, всем видом показывая: с этим делом покончено. Но Асад за ним не пошел: напротив, повернулся к разбитому окну гостиной с таким видом, словно за ним находилась какая-то святыня.

– Не знаю, Карл, – сказал он. – Мы единственные, кто еще может сделать что-то для убитых. Ты это понимаешь?

Что-то сделать для мертвецов! Как будто этот восточный мудрец обладает властью проникать в прошлое!

– Не думаю, что тут, на месте, мы как-то продвинемся дальше. Давай немного отойдем в сторону, – предложил Карл, снова закуривая.

Вдыхать свежий воздух через зажженную сигарету – ничего лучше и не придумаешь.

Несколько минут они молча шагали, обдуваемые встречным ветерком, приносящим запахи ранней осени. Впереди показался дом: судя по долетавшим звукам, по крайней мере один пенсионер еще не ретировался на зимние квартиры.

На задах участка они и впрямь обнаружили краснолицего мужчину, подпоясанного ремнем под самой грудью.

– Да, сейчас тут немного народу, но сегодня ведь еще только пятница, – заметил стойкий дачник. – Посмотрите, что будет завтра. В субботу и воскресенье все так и кишит людьми, и так будет продолжаться еще не меньше месяца.

Увидев жетон Карла, хозяин участка разразился целым водопадом слов. Ему не терпелось поведать обо всем сразу одним длинным предложением: о кражах, утонувших немцах, лихачах на дорогах вокруг Рёввига. Можно подумать, что бедняга, будто Робинзон Крузо, долгие годы провел без человеческого общения.

Но тут Асад схватил говорливого дачника за плечо:

– Так это ты убил двоих ребят, которые жили по соседству на этой улице в доме, который называется «У рощи»?

Далеко не молодой разговорчивый дачник так и задохнулся на полуслове: перестал мигать, глаза у него остекленели, как у покойника, рот раскрылся, губы посинели. У него даже не осталось сил схватиться за грудь. Старик зашатался, и Карл едва успел его подхватить.

– Господи, Асад! Какого черта ты тут творишь? – Карл торопливо распустил на старике ремень и расстегнул воротничок рубашки.

Дачник очухался только минут через десять, и они показались Карлу очень долгими. Жена хозяина, прибежавшая из подсобного помещения, за все это время не проронила ни слова.

– Нижайше прошу прощения за моего напарника, – сказал Карл потрясенному старику. – Он приехал по обмену в рамках иракско-датской программы повышения квалификации служащих полиции и пока что не овладел датским языком в достаточной мере. Порой его методы неприемлемы в наших условиях.

Асад промолчал. Возможно, пытался постичь смысл слова «приемлемый».

– Я хорошо помню этот случай, – произнес дачник, немного успокоившись в объятиях жены и потратив еще три минуты на то, чтобы отдышаться. – Ужас что такое! Но уж если кого спрашивать, то обратитесь к Вальдемару Флорину. Он живет здесь рядом на Флюндерсёвей. Пятьдесят метров вперед и направо. Вы сразу узнаете дом по табличке.

– Почему ты сказал, что я из иракской полиции? – спросил Асад, запустив в море камешек.

Словно не слыша, Карл смотрел на резиденцию Вальдемара Флорина, красующуюся на вершине холма. Тогда, в восьмидесятые годы, ее фото часто можно было видеть в газетах. Именно сюда приезжала компания золотой молодежи на очередную гулянку – легендарные

празднества, на которых гости и хозяева ни в чем себе не отказывали. Ходили слухи, что всякий, кто осмеливался соперничать в роскоши с Флорином, наживал себе смертельного врага.

Вальдемар Флорин всю жизнь славился бескомпромиссностью. Порой он действовал на грани дозволенного, но по каким-то неведомым причинам ни разу не совершил ничего противозаконного. По крайней мере, ни разу не был пойман. Возбуждалось лишь несколько исков о нарушении гражданских прав и о сексуальных домогательствах по отношению к женской прислуге – это в худшем случае. В торговле Флорин был настоящим чудесником. Он занимался недвижимостью, вооружением, продовольствием в рамках экономической помощи, совершал быстрые набеги на рынок нефтяных поставок в Роттердаме – и все ему удавалось.

Ныне это осталось в области преданий. Хватка Флорина ослабла; все знали, что он преследует молоденьких девушек, но они стали избегать его с тех пор, как его жена Беата покончила с собой. В этом винили Флорина, и с этого времени никто не хотел с ним знаться: подобных вещей не прощают даже в этих кругах.

– Карл, почему? – повторил Асад. – Почему ты сказал, что я из иракской полиции?

Карл взглянул на своего маленького помощника: на смуглых щеках проступила краска. Чем она была вызвана – возмущением или холодным бризом, дувшим со Скагеррака, – оставалось только гадать.

– Никогда больше не задавай людям таких вопросов. Это считается угрозой. Как ты мог обвинить старика в том, чего он явно не делал? Зачем это было нужно?

– Ты сам так поступал.

– Ничего подобного. Не в таких случаях. Он мог концы отдать у нас на глазах!

– Но при чем здесь иракская полиция?

– К слову пришлось. Ладно, забудь об этом.

Но, даже входя в гостиную Вальдемара Флорина, куда их наконец провели, Карл все еще чувствовал у себя на затылке пристальный взгляд Асада. На всякий случай надо это запомнить.

Вальдемар Флорин сидел перед панорамным окном, из которого открывался вид на улицу Флюндерсёвей, а за ней на бухту Хесселё и морские дали. Четыре стеклянные двери у него за спиной вели на каменную террасу и окруженный садом плавательный бассейн, который сейчас высох, как водохранилище в пустыне. Когда-то здесь кипела и шумела жизнь. Тут бывали даже члены королевской семьи.

Сидя перед горящим камином и поставив ноги на скамеечку, Флорин читал книгу, рядом на мраморном столике стоял бокал виски с содовой. Картина была бы полна спокойствия и умиротворенности, если бы не разбросанные по всему ковру страницы, вырванные из книги.

Карл несколько раз кашлянул, но старый финансист будто не слышал. Но вот он дошел до конца страницы, вырвал ее, бросил на пол к остальным и только после этого поднял глаза на вошедших.

– Так знаешь наверняка, до какого места добрался, – пояснил он. – Кому обязан такой честью?

Асад посмотрел на Карла, выразительно поводя бровями. Некоторые его выражения он до сих пор затруднялся переварить.

Карл предъявил полицейский жетон, и улыбка Флорина испарилась. Когда же Карл объяснил, что явился из копенгагенской полиции по поводу давнего убийства, хозяин и вовсе посоветовал ему убраться.

В свои семьдесят пять лет старик напоминал надменного кусачего хорька; во взгляде его таилась злость, готовая в любой момент прорваться, стоит только немножко его раздражить.

– Да, господин Флорин, мы явились без предупреждения, и, если вы не желаете нас видеть, мы уйдем. Ради моего искреннего к вам уважения и восхищения я готов поступить

так, как вам удобнее. Если вы предпочтете поговорить с нами, скажем, завтра утром, нас не затруднит приехать еще раз.

– Что мне до вашей болтовни? – буркнул Флорин, но тем не менее Карл видел, что его изысканное красноречие не пропало даром. Ведь еще в школе полиции учили: все люди жаждут уважения, окажи им его – и они сделают все, чего ты хочешь.

– Можно нам присесть, господин Флорин? Всего на пять минут.

– И чего вы хотите?

– Как по-вашему, Бьярне Тёгерсен действовал один, когда он в восемьдесят седьмом году убил брата и сестру Йоргенсен? Есть человек, который утверждает, что дело происходило иначе. Ваш сын не является подозреваемым, но, возможно, под подозрение попадают некоторые из его друзей.

Флорин так наморщил нос, словно собирался выбраться, но вместо этого с размаху швырнул на стол остатки книги.

– Хелен! – крикнул он, полуобернувшись. – Принеси еще виски!

Затем закурил египетскую сигарету – не предложив гостям.

– Кто этот человек и что такое он утверждает? – спросил Флорин. Его интонация подразумевала некую готовность к разговору.

– Этого мы, к сожалению, не можем сообщить. Однако появились основания полагать, что Бьярне Тёгерсен не один совершил это убийство.

– А-а, это убожество! – насмешливо прокомментировал Флорин, но продолжения не последовало.

Вошла девушка лет двадцати в белом передничке и черном платье; она налила старику виски и воды, действуя привычно и ловко, будто ей очень часто приходилось проделывать эти операции. На гостей она даже не взглянула, а перед тем как удалиться, мимоходом погладила редущую шевелюру хозяина. Видимо, Флорин ее хорошо вышколил.

– Признаюсь честно, – сказал Вальдемар, пригубив бокал. – Я бы с удовольствием оказал вам содействие, но это было слишком давно, и мне кажется, лучше не ворошить прошлое.

Карл не мог с этим согласиться.

– Вы знали друзей вашего сына, господин Флорин?

Ответом была кривая усмешка.

– Вы так молоды! – произнес Вальдемар и криво усмехнулся. – Вы можете этого не знать, но я был тогда слишком занят. Нет, я с этими ребятами не был знаком. Торстен познакомился с ними в школе.

– Вас не удивило, что подозрение пало на них? Ведь все эти ребята были из приличных семей.

– Удивило, не удивило... Почем я знаю! – Он искоса взглянул на Карла поверх бокала. Эти глаза много чего повидали, в том числе и противников посильнее Карла Мёрка.

Старик отставил бокал:

– Но в ходе следствия выяснилось, что некоторые из них отличались от остальных.

– В каком смысле отличались?

– Мой адвокат постоянно присутствовал на допросах всех шестерых в полицейском отделении Хольбека. Я об этом позаботился.

– Бент Крум, кажется? – вмешался Асад, но Вальдемар Флорин даже глазом не повел, как будто его и не было.

Карл кивнул Асаду – замечание попало в точку.

– Вы хотели сказать, кто-то из них странно повел себя во время допросов? И кто же именно?

– Наверное, вам лучше всего позвонить Бенту Круму и спросить у него, раз уж вы его знаете. Я слышал, у него по-прежнему превосходная память.

– От кого слышали?
– Теперь он поверенный моего сына. А также Дитлева Прама и Ульрика.
– Вы сказали, что не были знакомы с друзьями сына, но похоже, что этих двоих вы все же знаете.
– Я знал их отцов. – Старик вскинул голову.
– А отцов Кристиана Вольфа и Кирстен-Марии Лассен вы тоже знали?
– Поверхностно.
– А отца Бьярне Тёгерсена?
– Этого нет. Кто он такой, чтобы я его знал?
– У него было предприятие по торговле лесом в Северной Зеландии, – вставил Асад. Карл кивнул. Это он помнил и сам.
– Послушайте-ка, – заговорил Вальдемар Флорин, устремив взгляд к стеклянному потолку, за которым видно было ясное небо. – Кристиан Вольф умер. Кимми исчезла и не появляется уже много лет. Мой сын говорит, что она слоняется по улицам Копенгагена, таская за собой чемодан. Бьярне Тёгерсен сидит в тюрьме. О чем тут еще толковать?
– Кимми? Кирстен-Мария Лассен? Это о ней вы говорите? Так ее называют?
Старик не ответил. Он только отпил из бокала и снова взялся за книгу. Аудиенция была закончена.

Выйдя из дома, они увидели через окна веранды, как Вальдемар Флорин с сердитым лицом швырнул на стол безжалостно изуродованную книжку и схватился за телефон. Может быть, решил предупредить адвоката, а может, хотел справиться в охранной службе, нет ли у них надежной системы перехвата подобных гостей еще у калитки.

– Он много чего знал, – заметил Асад.
– Да, возможно. С такими, как он, ничего нельзя утверждать наверняка. Они всю жизнь учились следить за тем, чтобы не сказать лишнего. А ты знал, что Кимми живет как бездомная?
– Нет, об этом нигде ничего не написано.
– Вот ее-то нам и надо найти.
– Да, но сначала можно поговорить с остальными.
– Может, и так.
Карл посмотрел в морскую даль. Разумеется, надо поговорить с ними со всеми.
– Но когда такая женщина, как Кимми Лассен, все бросает и отправляется на улицу, для этого должна быть какая-то причина. У подобных людей, Асад, обыкновенно много очень болезненных воспоминаний, так что хорошо бы ее прошупать. Поэтому мы должны ее отыскать.

Вернувшись к летнему домику, где оставался автомобиль, Асад постоял, словно взвешивая все, что они узнали.

– Карл, насчет игры я что-то не все понял.
«Как будто прочитал мои мысли», – подумал Карл и сказал:
– Сейчас мы снова пройдемся по всему дому. Я как раз хотел это предложить. Во всяком случае, надо будет забрать игру с собой, чтобы проверили отпечатки пальцев.

На этот раз они обыскали все: хозяйственные постройки, лужайку за домом, покрытую пожухлой травой, ящик для газовых баллонов, но не узнали ничего нового и ни с чем вернулись в гостиную. Там Асад принялся ползать по полу в поисках двух недостающих треугольников от коричневой фишки. Карл медленно обвел взглядом сувенирные полки и прочие предметы обстановки, потом снова взглянул на принадлежности для игры.

На желтом среднем поле маленькие цветные пятнышки фишек сами бросались в глаза. Одна фишка с теми ломтиками, которые должны были в ней лежать, и другая, в которой фишки отсутствовали. Одна розовая и одна коричневая.

И тут его осенило.

– Вот еще одно рождественское сердечко. – Асад извлек упомянутый предмет из-под края ковра.

Но Карл не отозвался. Медленно нагнувшись, он поднял две карточки, валявшиеся рядом с коробкой для карт. Две карточки, каждая с шестью вопросами, помеченными соответствующим цветом.

Сейчас его интересовали только два: отмеченные коричневым и розовым.

Затем он перевернул карточки и посмотрел в ответы. И вздохнул с таким чувством, будто только что поставил мировой рекорд.

– Асад, посмотри-ка сюда, – сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал тихо и ровно. – И скажи, что ты видишь.

Держа в руке сердечко, Асад поднялся и через плечо Карла взглянул на карточки:

– Что я должен видеть?

– Не хватало одного розового и одного коричневого вкладыша. – Карл протянул Асаду одну карточку, а сам продолжал рассматривать вторую. – Посмотри на «розовый» ответ на той карточке и «коричневый» на этой. Что там написано?

– На одной написано «Арне Якобсен», а на другой «Йохан Якобсен».

Оба посмотрели друг на друга.

– Арне? Ведь так звали полицейского, который забрал папку из Хольбека и передал ее Марте Йоргенсен? Какая у него была фамилия? Не помнишь?

Асад приподнял брови, затем вытащил из кармана блокнот и стал перелистывать записи, пока не дошел до беседы с Мартой Йоргенсен.

Произнеся шепотом несколько непонятных слов, он поднял взгляд от блокнота:

– Ты прав, его звали Арне. У меня это записано. Но Марта Йоргенсен не называла его фамилии.

Он снова пробормотал что-то по-арабски и перевел взгляд на игральную доску:

– Если Арне – это полицейский, кто тогда другой?

Карл вынул мобильник и позвонил прямо в хольбекское отделение полиции.

– Арне Якобсен? – переспросил дежурный. – Ну, это надо спрашивать у кого-нибудь постарше. Одну секунду, сейчас соединю.

Через три минуты вопрос был решен, и Карл убрал мобильник.

11

Иногда это происходит в тот день, когда тебе стукнет сорок. Или когда ты заработаешь свой первый миллион. Или, в крайнем случае, когда твой отец выходит на пенсию и его дальнейшим уделом становится только решение кроссвордов. В этот день мужчина, как правило, впервые ощущает, что он наконец-то вырвался из патриархальной зависимости и ему больше не придется выслушивать наставительные замечания и чувствовать на себе критические взгляды.

В случае Торстена Флорина все было не так.

Торстен Флорин давно был гораздо богаче своего отца и оставил далеко позади четверых младших братьев и сестер. Даже в средствах массовой информации он мелькал гораздо чаще, чем отец. В Дании все его знали, все им восхищались, в особенности женщины, которых прежде так добивался его отец.

Но несмотря на все это, стоило ему только услышать в телефонной трубке голос отца, как ему делалось нехорошо. Он сразу же начинал ощущать себя трудным ребенком, существом подчиненным и презренным. В животе что-то сжималось, и это ощущение не исчезало, пока он не заканчивал разговор. Но просто бросить трубку, если ему звонил отец, он никогда не решался. Беседы эти продолжались недолго, но по их окончании Торстена гораздо дольше не оставляло чувство злости и бессилия.

«Это судьба старшего ребенка в семье», – сказал об этом единственный приличный учитель в школе-пансионе, и Торстен возненавидел его за эти слова. Ведь если тот был прав, как он мог что-то изменить? Этот вопрос терзал его день и ночь. То же самое испытывали Ульрик и Кристиан. Это их и объединило – мучительная ненависть к отцам. И когда Торстен яростно избивал какую-нибудь беспомощную жертву или сворачивал шеи почтовым голубям симпатичного учителя, а по окончании школы ловил испуганные взгляды конкурентов, понявших, что он в очередной раз создал новую непревзойденную коллекцию, то думал при этом о своем отце.

– Тупые свиньи! – вырвалось у него, когда отец положил трубку. – Свиньи тупые! – бросил он, с ненавистью глядя на многочисленные дипломы и охотничьи трофеи, развешенные на стенах.

Если бы в соседней комнате в это время не находились дизайнеры, заведующий отделом закупок и большая часть лучших клиентов фирмы, то есть ее главных конкурентов, он бы выкрикнул это во весь голос. Вместо этого Торстен схватил старинный аршин, преподнесенный ему на пятилетие со дня создания фирмы, и стукнул по голове серны на стене.

– Свиньи, свиньи, свиньи! – повторял он шепотом, продолжая наносить удар за ударом.

Вспотев, он остановился и попытался навести порядок в мыслях. Голос отца и смысл сказанных им слов слишком его потрясли.

Торстен поднял взгляд. За стенами дома, там, где лес подходил к морскому берегу, летали несколько голодных сорок. Они бойко галдели и расклевывали останки тех птиц, на которых Торстен ранее срывал свою злость.

«Поганые твари!» – подумал Торстен и ощутил, что это поможет ему успокоиться.

Затем он снял с крючка на стене охотничий лук, достал из спрятанного за письменным столом колчана несколько стрел, отворил ведущую на террасу дверь и принялся стрелять по птицам.

Когда сорочий галдеж смолк, утих и яростный пожар в голове. Это средство ему всегда помогало.

Потом он пересек лужайку, вынул стрелы из убитых птиц, ногой зашвырнул трупик к остальным на опушку леса, вернулся в кабинет и возвратил на место лук и стрелы. За стеной гомонили гости. Торстен набрал номер Дитлева.

– У моего отца в Рёввиге побывала криминальная полиция, – сразу начал он, когда Дитлев взял трубку.

– Так, – задумчиво ответил Дитлев после паузы. – И что им было надо?

Торстен набрал в грудь воздуха:

– Они задавали вопросы по поводу брата и сестры в доме на озере Дюбесё. Ничего конкретного. Если только старый дурень не напутал, кто-то обратился в полицию и посеял сомнения относительно виновности Бьярне.

– Кимми?

– Не знаю. Они не сказали, кто это был.

– Немедленно предупреди Бьярне. Понял? Сегодня же! Что еще?

– Отец предложил полиции связаться с Крумом.

На другом конце раздался характерный смешок Дитлева. Совершенно бесстрастный.

– Из Крума они ничего не вытянут.

– Нет, конечно. Но это значит, они снова начали копаться в этом деле.

– У него были сотрудники хольбекского отделения?

– По-моему, нет. Старик говорит, что они были из копенгагенского отдела по расследованию убийств.

– Вот черт! Твой отец узнал их фамилии?

– Нет, этот самоуверенный дурак, как всегда, толком даже не слушал. Но Крум все выяснит.

– Забудь об этом. Я позвоню Ольбеку, у него есть связи в полицейском управлении.

Закончив разговор, Торстен некоторое время сидел, глядя перед собой и учащенно дыша. Его мозг был переполнен образами испуганных людей, моливших о пощаде и звавших на помощь. Вспоминалась льющаяся кровь, хохот остальных членов группы, потом обсуждения случившегося. Фотоархив Кристиана, вокруг которого они собирались вечер за вечером, накуриваясь до одури или накачивая себя амфетамином. В такие минуты он вспоминал все, что было, наслаждаясь этими воспоминаниями и ненавидя себя за это наслаждение.

Он раскрыл глаза во всю ширь, стараясь вернуться к действительности. Через несколько минут бредовые видения отступили, оставив после себя эротическое возбуждение.

Торстен потрогал себя и почувствовал, что оно тут как тут.

Вот подлость! Почему он не может контролировать эти ощущения? Почему это без конца продолжается?

Он встал и запер дверь, ведущую в соседние залы, из которых доносились голоса королей и королев датской моды. Глубоко вздохнув, опустился на колени, сложил ладони и склонил голову. Иногда это становилось непреодолимой потребностью.

– Господи, Боже мой! – прошептал он несколько раз. – Прости меня! Потому что я ничего не могу с этим поделать.

12

За несколько секунд Дитлев Прам ввел Ольбека в курс дела и даже слушать не стал нытье этого идиота насчет нехватки помощников и многочисленных бессонных ночей. Его дело – молчать в тряпочку и радоваться, что ему платят, сколько ни попросит.

Затем Дитлев повернулся на вертящемся стуле и любезно кивнул доверенным сотрудникам, собравшимся за столом для совещаний.

– Прошу прощения, – произнес он по-английски. – У меня возникли проблемы со старенькой тетушкой, которая постоянно убегает из дома. В такое время года, как сейчас, ее необходимо разыскать до наступления ночи.

Гости любезно заулыбались: разумеется, семья – это главное.

– Спасибо за предоставленные сведения. – Дитлев широко улыбнулся. – Я искренне благодарен за то, что нам удалось создать единую команду из лучших врачей Северной Европы. – Он хлопнул ладонями по столу. – Итак, приступим к делу! Станислав, мы готовы тебя выслушать.

Его главный специалист по пластической хирургии кивнул и включил большой проектор. На экране возникло изображение мужского лица с прочерченными линиями. Вот здесь он собирается сделать надрезы, сообщил докладчик. Ему уже приходилось делать это раньше – пять раз в Румынии и дважды на Украине. За исключением одного случая, чувствительность лицевых нервов восстанавливалась при этом поразительно быстро. Таким образом можно провести подтяжку лица, используя вдвое меньше разрезов, чем обычно. Это все звучало так, словно не было никаких причин для беспокойства.

– Вот смотрите, прямо здесь, в верхней части бакенбардов, удаляется треугольник, подтяжка делается в этом направлении, и все зашивается несколькими швами. Просто и красиво.

– Мы послали описание этой операции в журналы, – добавил заведующий клиникой, показывая четыре европейских и одно американское издание – не из самых авторитетных, но достаточно солидные. – Публикации появятся еще до Рождества. Мы назвали эту методику «Коррекция лица по Станиславу».

Дитлев кивнул. Проведение описанной операции должно принести много денег. У него работают толковые специалисты, суперпрофессиональные мастера скальпеля. Каждый из них получает в десять раз больше, чем коллеги на родине, но не испытывает угрызений совести. То же можно было сказать и о самом Дитлеве: он делает деньги за счет их работы, а они – за счет всех остальных. Чрезвычайно полезная иерархическая система, особенно при условии, что он сам занимает вершину пирамиды.

Однако в данный момент Дитлев был недоволен. Одна неудачная операция из семи – это решительно неприемлемо. Он старался избегать ненужного риска, этому его научил опыт еще в частной школе. Угрозы попасть в неприятную переделку лучше избегать. Поэтому он собирался отвергнуть предложенный проект и уволить заведующего клиникой за то, что тот передал материал для публикации, не получив его санкции. По той же причине Дитлев сейчас вообще не мог думать ни о чем, кроме телефонного разговора с Торстеном.

Тут у него за спиной запищало переговорное устройство. Он повернулся, протянул руку и нажал на кнопку.

– Да, Бригитта, – сказал он.

– К вам направляется ваша жена.

Дитлев посмотрел на собравшихся. С неприятными разговорами придется подождать, а Бригитте поручить, чтобы задержала статьи.

– Скажи Тельме, чтобы никуда не ходила, а подождала меня дома. Я сейчас приду. Совещание закончено.

Клиника и вилла, где жил Дитлев с семьей, располагались в ста метрах друг от друга и были соединены извилистым застекленным переходом – можно было пройти через сад, не замочив ног и при том наслаждаясь видом моря и буковой рощи. Он подсмотрел эту идею в Луизиане; правда, там на стенах еще висели картины.

О чем с ним собирается говорить Тельма, он знал заранее. И предмет разговора был не из тех, которые можно обсуждать при посторонних.

– Я разговаривала с Лиссан Йорт, – вызывающе бросила Тельма. Ее взгляд был полон ненависти.

– Разве ты не должна сейчас находиться в Ольборге у сестры?

– Я не ездила в Ольборг, я была в Гётеборге и отнюдь не с сестрой. Лиссан говорит, что вы пристрелили ее собаку.

– Что ты имеешь в виду, говоря «вы»? Могу сообщить тебе, что в нее попала случайная пуля. Собака была неуправляема и помчалась в самую гущу дичи. Я предупреждал Йорта. А что ты, кстати, делала в Гётеборге?

– Это Торстен застрелил собаку.

– Да, Торстен, и очень сожалеет. Может быть, купить для Лиссан новую собачонку? Все дело в этом? Сейчас же скажи, что ты делала в Гётеборге!

Она нахмурилась. После пяти подтяжек морщины на лбу Тельмы Прам могла вызвать только очень сильная досада.

– Ты подарил мою берлинскую квартиру этому убожеству Саксенхольту. Дитлев, мою квартиру! – Она выразительно ткнула пальцем в сторону мужа. – Это была ваша последняя охота! Понятно?

Он шагнул вперед, заставляя ее попятиться.

– Но ты же ведь никогда не пользовалась этой квартирой. Тебе ни разу не удалось затащить туда твоего любовника. – Он усмехнулся. – Не кажется ли тебе, что скоро ты будешь для него старовата?

Тельма вскинула голову. Она на удивление хорошо справилась с унижением и стойко приняла этот удар.

– Ты сам не знаешь, о чем говоришь. И ты даже не знаешь, с кем я была в Гётеборге. Неужели забыл послать за мной свою ищейку Ольбека? – Она расхохоталась.

Дитлев был ошеломлен. Вопрос застал его врасплох.

– Развод тебе дорого обойдется, – продолжала Тельма. – За ваши странные забавы с Ульриком и остальной компанией придется дорого платить, когда дело дойдет до адвокатов. Ты думаешь, я буду хранить эти секреты бесплатно?

Он улыбнулся – она блефует!

– Понятно, о чем ты сейчас подумал. Считаешь, я не посмею, потому что слишком хорошо при тебе устроилась. Но нет, Дитлев. За эти годы я очень изменилась. Ты мне совершенно безразличен. Мне все равно, если ты сгниешь в тюрьме. Посмотрим, как ты будешь обходиться без своих рабынь из прачечной.

Он смотрел на ее шею, будто выбирая место для удара. Почуввав неладное, она отодвинулась подальше.

Значит, если бить, то сзади.

– Дитлев, ты болен на голову. Я всегда знала. Но раньше это было забавно, а теперь уже нет.

– Ну так найди адвоката! Кто тебе мешает!

На ее лице появилась улыбка Саломеи, просящей у Ирода, чтобы ей поднесли на блюде голову Иоанна Крестителя:

– И чтобы по другую сторону стола сидел Бент Крум? Нет уж, Дитлев, этого я не сделаю. У меня совсем другие планы. Я только жду подходящего случая.

– Ты угрожаешь?

Она запрокинула голову, обнажив незащищенную шею, словно показывая, что не боится его! Она над ним издевается!

– Угрожаю, ты думаешь? – Из ее прически выбилась прядь волос, в глазах вспыхнул огонь. – Не собираюсь даже. Я нашла себе мужчину, и он ждет меня. Свои вещи заберу, когда мне это будет удобно. А ты о нем даже не догадывался. Это зрелый мужчина, Дитлев, вовсе не то, что ты думал. Мальчишка меня не удовлетворит.

– Вот как! И кто же он?

Она криво усмехнулась:

– Франк Хельмонд. Что, не ожидал?

Мысли вертелись спутанным клубком. Кимми. Полицейские, Тельма, а теперь еще и Франк Хельмонд. «Осторожность! – напомнил он себе. – Как следует все взвесить, прежде чем предпринимать какие-то шаги».

Он задумался на секунду – не спуститься ли посмотреть, которые из филиппинских девушек работают в этой смене. Но тут им овладело неприятное чувство: Франк Хельмонд, сказала она. Жалкий политик местного уровня, холоп, существо низшего порядка. Это просто униЗИтельно!

На справочном сайте имелся адрес Хельмонда; впрочем, Дитлев и так его знал. Тот не стесняется выкладывать свои данные на всеобщее обозрение, хотя проживает на вилле, которая ему явно не по средствам, среди людей, которые никогда и не подумают голосовать за его лилипутскую партию.

Подойдя к книжной полке, Дитлев вынул одну из толстых книг. В тайничке под обложкой лежали два пластиковых пакетика с кокаином.

Первая дорожка стерла упорно стоявшее перед глазами лицо Тельмы. Вторая помогла расправить плечи, взглянуть на телефон и забыть о том, что рисковать – не в его привычках. Хотелось только одного – положить конец всей этой ерунде. Так отчего же не воспользоваться самым верным способом? Вдвоем с Ульриком. В темноте.

– Может, я зайду к тебе, посмотрим фильм? – задал он вопрос, как только Ульрик снял трубку.

На другом конце линии послышался довольный вздох.

– Серьезно хочешь? – спросил Ульрик.

– Ты дома один?

– Да. Черт возьми, Дитлев, ты это серьезно?

Ульрик уже возбудился.

Это обещало шикарный вечер.

Этот фильм они видели бесчисленное число раз. Без него все было бы не то.

Первый раз они посмотрели «Заводной апельсин», учась в школе-пансионе, еще во втором классе гимназии. Новый учитель, неправильно истолковавший принцип разностороннего культурного развития, показал своему классу этот фильм и еще один, «Если», в котором речь шла о бунте в английской частной школе. Показ был приурочен к теме «Британское кино шестидесятых годов», которую руководство сочло очень близкой для учеников частной школы, следовавшей британской традиции. Однако руководству выбор фильма по здравом размышлении показался крайне неудачным, поэтому новый учитель в учреждении не задержался.

Но сделанного было уже не исправить. Кимми и Кристиан Вольф, который был новичком в ее классе, слишком прямолинейно восприняли идеи фильма и, следуя им, нашли новые пути для удовлетворения своей жажды свободы и мести.

Инициатором стал Кристиан. Он был почти на два года старше, не признавал никаких авторитетов, и весь класс смотрел на него с восхищением. У Кристиана всегда были в кармане большие деньги, хотя это и шло вразрез с внутренними правилами школы. В друзья себе он выбрал Дитлева, Бьярне и Ульрика. У них было много общего: все они одинаково ненавидели школу и не признавали никаких авторитетов. А фильм «Заводной апельсин» еще больше сплотил компанию.

Видеовариант фильма они много раз тайком смотрели в комнате Ульрика. Под впечатлением от увиденного они заключили союз и решили создать такую же банду, как в «Заводном апельсине»: безразличную к окружающему миру, живущую в постоянной погоне за острыми ощущениями и нарушениями общепринятых правил. Отчаянную и безжалостную.

Следующей ступенью стало нападение на мальчика, который застал их за курением анаши. Лишь впоследствии, по инициативе склонного к театральным эффектам Торстена, они стали надевать маски и перчатки.

Накачавшись кокаином, Дитлев и Ульрик сели в машину и помчались во Фреденсбург: оба в темных очках и длинных дешевых пальто, в шляпах и перчатках. Все это было их привычным одноразовым снаряжением, чтобы анонимно повеселиться. Голова казалась холодной и ясной.

– Кого преследуем? – спросил Ульрик, когда они вышли в Хиллерёде и остановились на площади перед шафранно-желтым фасадом кафе «JFK».

– Скоро сам увидишь, – бросил Дитлев, открывая дверь заведения.

Внутри было шумно, как обычно по пятницам, из всех углов неслись громкие голоса. Неплохое местечко для тех, кто любит джаз или хочет отдохнуть вдаль от стеснительных правил. Дитлев ненавидел и то и другое.

Франка Хельмонда они обнаружили в самом последнем зале. Толстячок стоял перед баром и яростно жестикулировал, беседуя с другим политиком такого же мелкого пошиба. Лысина его сверкала под люстрой. Для них этот выход в люди был чем-то вроде крестового похода.

– Он может задержаться довольно долго, так что давай выпьем пока по кружке пива, – предложил Дитлев и направился в сторону другой стойки.

Но Ульрик застыл на месте, расширенными зрачками уставившись на жертву из-под темных очков. Похоже, ему нравится увиденное, вон уже как бешено задвигал желваками!

Дитлев хорошо знал Ульрика.

Вечер выдался туманный и теплый. Выйдя из кафе, Франк Хельмонд долго простоял за дверью, беседуя со своим спутником, но наконец они разошлись. Франк поплелся по Хельсингсгаде, а они шли следом на расстоянии пятнадцати метров. В двухстах метрах отсюда находился полицейский участок, и это обстоятельство еще больше усиливало похотливое ожидание Ульрика, заставляя его тяжело дышать.

– Подождем, пока не дойдем до переулка, – прошептал Ульрик. – Налево там будет лавка секонд-хенда. Так поздно по переулку никто не ходит.

Впереди в тумане ковыляли сгорбленные старичок и старушка, направляясь в дальний конец пешеходной улицы. Таким давно пора бы лежать в постели! Правда, благодаря кокаину их присутствие несколько не смущало Дитлева, а больше на улице не было ни души – все как на заказ. Лишь трое, которым вот-вот предстоит сыграть свои роли в хорошо подготовленном и уже не раз сыгранном спектакле.

Влажный бриз дохнул в проход между фасадами и пронесся над головой. Между преследователями и Франком Хельмондом оставалось несколько метров.

Ульрик протянул Дитлеву латексную маску, такую же надел сам. У него их была целая коробка; подобные продавались где угодно, так что никак нельзя было бы определить, где они куплены, но тем не менее Ульрик привез свой запас из-за границы. На этот раз он выбрал модели 20027 и 20028, и вот по улице идут двое пожилых мужчин с морщинистыми лицами: очень натурально выглядит и при этом никакого сходства с настоящим обликом.

Как всегда, Дитлев ударил первым. Жертва пошатнулась и с тихим стоном стала клониться на левый бок; Ульрик тут же схватил ее и затащил в переулок, где и сам нанес первые удары – три в лоб, затем один в шею. Бывало, что после этого жертва падала без сознания, но на этот раз Ульрик бил не так сильно: Дитлев заранее попросил об этом.

Ослабевшая жертва уже не могла сопротивляться, только ноги беспомощно болтались; они проволокли тело по переулку метров десять и у Дворцового озера повторили сеанс избивения. Сперва легкие удары, на этот раз по корпусу, затем покрепче. Тут наконец несчастный, парализованный страхом, сообразил, что его убивают, и начал издавать слабые нечленораздельные звуки. Но кто его слушал? Все было видно по глазам.

Дитлев ощутил, как по телу толчками пробегают жаркие волны. Ради этого все и затевалось. Эти чудные теплые потоки напоминали ему детство, солнечный родительский сад, то время, когда весь мир маленького ребенка пронизывали доброжелательные стихии. А когда это ощущение бывало достигнуто, Дитлеву приходилось держать себя в узде, чтобы не убить жертву.

У Ульрика все обстояло иначе. Смерть как таковая его не интересовала. Его привлекал промежуток между силой и бессилием, в котором сейчас как раз находилась его жертва. Расставив ноги, он встал над замершим телом и сквозь прорези маски впился взглядом в глаза. Затем вынул из кармана нож и зажал так, что он почти весь скрылся в его большом кулаке. Мгновение казалось, что Ульрик мысленно решает, следовать ли указаниям Дитлева или действовать жестче. Затем их взгляды встретились.

«Неужели и у меня такие же безумные глаза?» – подумал Дитлев.

Но тут Ульрик опустил нож и прикоснулся им к шее лежащего. Провел тупой стороной лезвия по жилам, затем вдоль носа, по вздрагивающим векам. Франк часто задышал.

Это была не игра кошки с мышью, а еще хуже: жертва не пыталась убежать. Она уже смирилась со своей судьбой.

Дитлев кивнул Ульрику и перевел взгляд на ноги Франка. Скоро он увидит, как Ульрик полоснет ножом по живому. Ноги тогда дернутся от испуга.

Вот оно! Вот ноги Хельмонда дернулись – в этом рывке бессилие жертвы выражалось ярче всего. Это было наивысшее, ни с чем не сравнимое наслаждение в жизни Дитлева Прама. Он увидел, как кровь брызнула на землю, но Франк Хельмонд не издал при этом ни звука. Надо отдать ему должное: он прекрасно исполнил свою роль жертвы.

С сознанием хорошо выполненной работы два мистера Хайда покинули стонущего Хельмонда на берегу озера. Физически он это переживет, но в душе теперь мертв. Пройдет не один год, прежде чем он снова решится высунуться на улицу. А они могли отправляться восвояси, чтобы снова стать двумя экземплярами доктора Джекила.

К тому времени как Дитлев вернулся домой в Рунгстед, была глубокая ночь и голова мало-мальски прояснилась. Шляпы, перчатки, пальто и темные очки они с Ульриком бросили в огонь, нож спрятали в саду под камнем. Потом позвонили Торстену и уговорились с ним насчет прошедшего вечера. Торстен, конечно, бесился, что и понятно. Орал, что сейчас не время проделывать такие штучки, и они понимали, что он прав. Но Дитлеву было незачем извиняться перед Торстеном: тот прекрасно понимает, что они сидят в одной лодке. Если пого-

рит один, то погорят все, какие тут могут быть разговоры! Остается только держать наготове подходящее алиби на случай, если пожалует полиция. В случае надобности он подтвердит, что Дитлев и Ульрик приехали к нему в одиннадцать часов вечера, после того как встретились в Хиллерёде в кафе «JFK» и выпили по кружке пива. Нападение произошло получасом позже, но кто докажет, что они в это время не были у Торстена? Возможно, кто-нибудь заметил их в баре, но разве он упомянет, во сколько они пришли и во сколько ушли? В Грибскове трое друзей пили коньяк, вспоминали былые дни, короче, приятно провели вечер пятницы в дружеской компании, ничего особенного.

Войдя в холл, Дитлев с удовлетворением отметил, что в доме темно, а Тельма уползла в свою нору. Сначала он пошел в каминную и выпил одну за другой три рюмки кипрской водки, чтобы пьянящее чувство удачно совершенной мести сменилось спокойствием и уравновешенностью. Потом отправился в кухню с намерением открыть баночку икры и полакомиться ею, вспоминая искаженное ужасом лицо Франка Хельмонда.

Выложенный плиткой пол кухни был ахиллесовой пятой домработницы: именно он давал Тельме повод для недовольства каждый раз, как она приходила с инспекцией. Домработница, как ни старалась, никогда не могла угодить хозяйке; впрочем, кто мог бы угодить Тельме?

На отдраенном полу сразу бросались в глаза странные отпечатки. Приглядевшись, Дитлев понял, что кто-то ходил тут в грязных ботинках: следы были не особо крупные, но и не маленькие. Это был явный беспорядок, и Дитлев насторожился. Однако все было тихо: ни запахов, ни звуков. Бочком передвинувшись к полке с кухонными ножами, он выбрал самый большой, предназначенный нарезать филе для суши: если кто-нибудь нарвется на этот нож, ему несдобровать.

Осторожно отворив дверь, Дитлев вышел в зимний сад. Тянуло сквозняком, хотя все окна были закрыты. Затем он заметил, что одна фрамуга разбита. Дыра была небольшая, но все же была!

Он обвел взглядом плиточный пол. Здесь тоже кто-то наследил и оставил заметные разрушения. Разбросанные по всему полу осколки стекла говорили о том, что здесь побывал взломщик. Сигнализация не сработала, а значит, Тельма к тому времени еще не спала.

Внезапно Дитлев ощутил панический страх.

Возвращаясь в холл, он по пути взял на всякий случай еще один нож. Рукоятки ножей в обеих руках придавали уверенности. Его страшила не столько сила, которая могла на него обрушиться, сколько внезапность нападения, поэтому он выставил перед собой ножи на обе стороны и шел, озираясь на каждом шагу.

Затем он поднялся по лестнице и очутился перед дверью, за которой находилась спальня Тельмы.

Под дверью виднелась полоска света.

Вдруг там кто-то стоит, поджидая его?

Крепче сжав ножи, он осторожно отворил дверь. Из комнаты хлынул поток света. Тельма лежала на кровати – бодрая, сна ни в одном глазу.

– Что ты еще задумал? – произнесла она, бросив на него взгляд, переполненный отвращением. – Пришел меня убивать?

И вдруг, выхватив из-под подушки пистолет, направила ствол на Дитлева.

Но остановил его не пистолет, а ее холодный презрительный тон. Он невольно выпустил из рук ножи.

Он знал Тельму. Будь на ее месте другая, это можно было бы принять за шутку, но Тельма никогда не шутила. У нее просто не было чувства юмора, поэтому он застыл, боясь пошевелиться.

– Что тут происходит? – спросил он, глядя на пистолет.

По виду пистолет был настоящий и достаточно серьезный, чтобы заткнуть рот кому угодно.

– Я обнаружил, что в доме побывали грабители, но сейчас уже никого нет, так что можешь положить эту штуковину на место, – сказал Дитлев, чувствуя, как тают последние остатки наркотического опьянения. – Откуда ты вообще, черт возьми, взяла этот пистолет? Ладно, будь душкой и отложи его в сторону. Скажи только, что тут случилось?

Но Тельма даже не шелохнулась.

Сейчас, лежа в неглиже на кровати, она показалась ему соблазнительной – какой не бывала уже многие годы.

Он хотел шагнуть к ней, но она не позволила и только крепче стиснула в руке пистолет.

– Ты избил Франка. Ты просто зверь. Не мог удержаться?

Откуда она, черт побери, это узнала? И так быстро?

– О чем ты? – ответил он, стараясь глядеть ей прямо в глаза.

– Имей в виду, он выживет. И для тебя это ничем хорошим не кончится, ты понимаешь?

Дитлев опустил взгляд себе под ноги, где лежали ножи. Зря он их бросил!

– Совершенно не понимаю, о чем ты говоришь. Я ездил к Торстену и провел у него вечер. Спроси его сама, если хочешь!

– Сегодня вечером тебя и Ульрика видели в Хиллерёде в «JFK». Мне этого достаточно, чтобы понять все остальное.

В былые дни инстинкт подсказал бы ему какую-нибудь ложь, но сейчас он ощутил только то, что она загнала его в угол.

– Да, я был там, – ответил Дитлев, не моргнув глазом. – Мы заезжали туда перед тем, как отправиться к Торстену. Ну и что?

– Мне не нужна твоя болтовня. Подойди сюда и подпиши. Прямо сейчас, иначе я тебя застрелю.

Она показала на несколько документов, лежавших в ногах кровати, а затем спустила курок. Пуля просвистела мимо Дитлева и засела в стене. Он обернулся, чтобы оценить размеры повреждения. Дыра получилась с ладонь взрослого мужчины.

Тогда он кинул взгляд на лист, лежавший сверху. Увиденное ему не понравилось. Если он это подпишет, то она заработает по тридцать пять миллионов за каждый год из тех двенадцати, что они кружили один перед другим, как два хищных зверя.

– Если ты подпишешь, мы не заявим на тебя. Так что давай, вперед!

– Ты не подумала, что если вы заявите на меня, то в тюрьме я объявлю себя банкротом и вы не получите вовсе ничего?

– Ты все подпишешь, голубчик! – Тельма презрительно расхохоталась. – Ты не хуже меня знаешь, что все делается не так быстро и я как-нибудь получу свою долю до того, как тебя признают банкротом. Может быть, меньше этого, но все же достаточно. Я же знаю тебя, Дитлев! Ты практичный человек. Зачем отказываться от своего предприятия и садиться за решетку, если можно откупиться с гораздо меньшими затратами? Так что подпишешь как миленький! А завтра ты пойдешь и устроишь Франка в свою клинику, ясно? Я желаю, чтобы через месяц он был как новенький и даже еще лучше.

Дитлев покачал головой. Тельма всегда была сущая сатана, но рыбак рыбака видит изда-лека, как говорила маменька.

– Откуда у тебя вдруг взялся пистолет? – спокойно спросил он, беря бумагу и ставя закорючку на первом листе. – Что случилось?

Она смотрела, как он подписывает документ, и медлила с ответом, выжидая, когда бумага окажется у нее в руках.

– Да, Дитлев, жаль, что вечером тебя не было дома. Иначе мне, наверное, не понадобилась бы твоя подпись.

– Вот как? И почему же?

– Какая-то заляпанная грязью женщина разбила окно и угрожала мне этой штукой. – Тельма помахала пистолетом. – А искала она тебя!

Она снова расхохоталась, как что пеньюар сполз с одного плеча.

– Я сказала ей, что, если она заглянет еще раз, я с удовольствием введу ее через парадную дверь и ей не придется бить стекла, чтобы уладить свои дела.

Дитлев почувствовал, как у него мороз пробежал по коже.

Кимми! После стольких лет!

– Она дала мне пистолет и погладила по щеке, как будто я малое дитя. И удалилась через парадную дверь. Но не отчаивайся, Дитлев! Уверю тебя, твоя приятельница обязательно как-нибудь еще вернется тебя навестить.

13

Начальник отдела по расследованию убийств Маркус Якобсен потер лоб. Рабочая неделя начиналась хуже некуда. Четвертое заявление с просьбой об отпуске за четыре дня! Два человека из лучшей криминальной бригады ушли на больничный, а тут зверское убийство среди бела дня в самом центре города! В мусорном контейнере нашли тело женщины, избитой до неузнаваемости. Насилие становится все более жестоким, и все требуют немедленного расследования – газеты, общественность, директор полиции. Если гибнет женщина, тут такое начинается! Нынешний год вообще бьет рекорды по убийствам, ничего подобного не было уже лет десять, а полицейское руководство просто замучило совещаниями! Со всех сторон давление, а тут еще и Бак, черт его возьми, просится в отставку. Только этого еще не хватало!

В прежние времена они с Баком взяли бы по сигаретке, покурили бы, прохаживаясь по внутреннему дворику, и тут же, конечно, решили бы все проблемы. Но прежние времена миновали, и теперь Маркус бессилен. Ему просто нечего предложить своим подчиненным. Зарплата маленькая, рабочая нагрузка большая, сотрудники сбиваются с ног и просто не имеют возможности как следует выполнять свою работу. И даже закурить с горя теперь нельзя! Черт знает что, а не жизнь!

– Пошевели политиков, Маркус, – посоветовал его заместитель Ларс Бьёрн.

Но слова его почти потонули в грохоте из коридора – там еще возились грузчики, чтобы все выглядело в соответствии с требованиями реформы. Сплошной камуфляж и украшательство!

Маркус взглянул на своего заместителя, удивленно подняв брови, и улыбнулся такой же безнадежной улыбкой, как та, что в последние месяцы не сходила с лица Ларса Бьёрна.

– Ну и когда же мне ждать тебя с заявлением об отпуске? Ты ведь еще сравнительно молодой человек. Может, и ты мечтаешь поменять работу? Твоя жена не хочет почаще видеть тебя у семейного очага?

– Маркус, иди ты! Свою должность я променял бы только на одну – на твою.

Это было сказано так спокойно и сухо, что впору испугаться.

– О'кей. – Маркус кивнул. – Однако тебе придется подождать, потому что я раньше времени уходить не собираюсь. Мне, знаешь ли, моя должность тоже нравится.

– В таком случае поговори с директором полиции и попроси ее выжать из политиков более приличные условия для нас.

В дверь постучали, и прежде чем Маркус успел ответить, к его столу уже подходил Карл Мёрк. Что ж это за человек такой! Хоть бы однажды поступил по правилам, чисто для разнообразия!

– Сейчас не могу, – сказал Маркус, прекрасно зная: Карл слышит только то, что хочет слышать.

– Я только на секунду. – Карл едва заметным кивком поздоровался с Ларсом Бьёрном. – По поводу дела, над которым сейчас работаю.

– Двойное убийство в Рёрвиге? Если бы ты мог хотя бы приблизительно сказать мне, кто вчера вечером избил женщину на улице Канникестреде, я бы тебя послушал. В остальном обходись без меня. Ты знаешь, что я думаю о вашем деле. По нему приговор уже вынесен. Выбери какое-нибудь другое, в котором виновник все еще остается на свободе.

– В этом деле замешан один из наших.

– Ну ладно. – Маркус безнадежно опустил голову. – И кто же?

– Сотрудник криминальной полиции по имени Арне Якобсен лет десять – пятнадцать назад унес папку из хольбекского отделения. Тебе это что-нибудь говорит?

– Хорошая фамилия, однако я не имею к этому ни малейшего отношения.

– Могу сказать тебе, что он был лично заинтересован в этом деле. Его сын встречался с убитой девушкой.

– И что из этого?

– А этот сын по сей день работает в полицейском управлении. Я вызову его на допрос. Чтобы ты знал.

– Кто это?

– Йохан.

– Йохан? Йохан Якобсен, наш мастер на все руки? Ну, это неправда!

– Послушай, Карл! – вмешался Ларс Бьёрн. – Если ты хочешь вызвать одного из наших вольнонаемных служащих на допрос, то, пожалуйста, лучше назови это как-нибудь иначе. Если что-то пойдет не так, мне придется отвечать перед профсоюзом!

– Погодите-ка, вы, оба! – Маркус понял, что сейчас разгорится перепалка, и обратился к Карлу: – В чем, собственно, вопрос?

– В смысле, кроме того, что старый полицейский унес папку с документами следствия? – Карл так расправил плечи, что стал на четверть метра шире. – Вопрос в том, что его сын подбросил папку мне. Кроме того, Йохан Якобсен самовольно вторгся на место преступления и сознательно выложил там предметы, которые со всей очевидностью должны привести к нему, а я полагаю, что у него припасены еще какие-то материалы. Маркус, он знает об этом деле больше того, что есть меж небом и землей, если только можно так сказать.

– Господи, Карл! Это же было двадцать с лишним лет назад! Неужели ты не можешь управлять своей лавочкой тихо и спокойно?! Ведь наверняка найдется много более подходящих дел.

– Ты прав, это старое дело. И именно его я выбрал для того, чтобы по твоему требованию развлекать скучную компанию из страны любителей коричневого сыра. Remember?⁶ Так что уж позаботься, чтобы через десять минут Йохан был у меня в кабинете!

– Но я не могу.

– Почему не можешь?

– Потому что Йохан на больничном. – Маркус посмотрел на Карла сквозь бифокальные очки, стараясь донести смысл своих слов до сознания собеседника. – И ты не будешь навещать его на дому, ты меня слышишь? У него и так вчера случился нервный срыв. Нам не нужны лишние неприятности!

– С чего ты вообще взял, что это он подбросил тебе на стол старое дело? – снова вмешался Ларс Бьёрн. – Вы что, нашли на бумагах его отпечатки?

– Нет. Вчера я получил результаты исследования, и отпечатков там не было. Я просто знаю, что это Йохан. Если он в понедельник не выйдет на работу, я отправлюсь к нему домой. А вы как хотите!

⁶ Помнишь? (англ.)

14

Йохан Якобсен жил в кооперативной квартире на Вестерброгаде наискосок от театра «У черной лошади» и бывшего Музея механической музыки, то есть точно на том месте, где в 1990 году происходила схватка между полицией и молодежью, незаконно захватившей пустующее здание. Карл очень хорошо помнил это время. Сколько раз приходилось ему в подобных случаях стоять в оцеплениях и бить дубинкой юношей и девушек, своих сверстников.

Не самые приятные воспоминания молодости!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.